

MY SITUATION

by Emil Petrosian

*дракона
вырвало утренним солнцем
дымом и вишнями*

Б.Нацуиси, Преодолевая границы

Предисловие

После длительного дрейфа во враждебной мне капиталистической среде и многократных попыток выжимания из меня всех жизненных соков ради экономической выгоды группки людей, на которых я вынужден работать, - для меня, наконец, представилась возможность продолжить книгу, которую я начал около пяти лет назад и все никак не мог закончить...

Дело в том, что ни в одной прочитанной мной до настоящего времени книге я не мог найти некоей идеологии, которая позволила бы мне окончательно примириться с миром, в котором я живу, с тем, чтобы направить свои силы как на его облагораживание, так и защиту своих собственных интересов (потерпите еще немного этот слог, я уже через несколько строк от него откажусь: эту книгу я старался писать как можно проще, чтобы наконец самому понять, о чем же это такое я пишу, что не могу вписаться ни в один формат существующих на сегодня литературных издательств).

Раньше я пытался исследовать общество, я грезил обществом, вождедел им, пытался его понять и принять. Но чем больше я его изучал, тем больше в нем разочаровывался. Поэтому в этой книге я – свой самый желанный и самый интересный объект исследования. Я ощущаю себя полноценным и неповторимым существом, вроде солнца или луны. Я хочу понять свои мотивы. Я хочу раскрыть и понять, что такое быть свободным человеком. Хочу понять, в чем смысл Моего существования и существования Других. Хотя допускаю солипсизм.

В заключение лишь добавлю, что эта книга стала возможной благодаря моему двоюродному брату Арсену Петросяну, которого вся наша родня считает психом и отвернулась от него (он страдает шизофренией), но который, - зная, что я почти год собираюсь написать книгу и у меня нет компьютера, - откуда-то раздобыл мне допотопный ноутбук, на котором, собственно, я сейчас и работаю. Этот ноутбук, видимо, принадлежал какому-то студенту-индусу, поскольку на клавиатуре только английские и индийские символы. Ну что ж, я собираюсь написать на нем

мантру томления современного свободного человека, а для таких целей вряд ли можно найти что-либо более подходящее.

1. Биография (music by Weather Report “Mysterious Traveller”)

Моя ситуация – это ситуация человека, оказавшегося в заднице. Когда-то у меня была куча планов. Я считал их очень реалистичными. Когда же я вышел из-под опеки родителей, оказалось, что все, к чему я стремился, практически недостижимо. Мне пришлось отказаться от большей части своих мечтаний и желаний. Я избавился от них, как от балласта, в надежде, что это поможет мне взлететь. Однако, не скажу, что это особенно изменило мою жизнь, разве что в некоторой степени разгрузило в психологическом смысле. Я теперь перестал планировать будущее. Я перестал увязывать события своей жизни с возрастом.

Где-то прочитал, что «Петросян» по-русски звучит почти как «потрясен».

Итак, мой эксперимент с образом жизни затянулся. Он может закончиться завтра или растянуться на всю жизнь. Я теперь во многом ориентируюсь на случай. Я жду чуда, - как бы нелепо это не звучало. В моей ситуации – это единственный выход.

Прежде мне уже приходилось рассказывать о сложной судьбе своего отца. Она достойна пера античных сказителей. В сущности, отец всегда был для меня человеком, которым я не только более всего восхищался, но и которому более всего подражал - что, впрочем, не мешало мне причинять ему многочисленные страдания. Так вот, последние 15 лет мой отец, потерявший свою родину, дом, работу, сбережения, и в результате окончательно разуверившийся во всем, - черпает жизненные силы своей веры в бога и высшую справедливость. Я понимаю его, только это позволяет все еще держаться на плаву.

Мой отец заядлый мизантроп, но иногда я вижу в нем столько искренности и человеколюбия, что мне становится страшно. Я весь в него.

Весь прошедший год у меня продолжался мучительный приступ аллергии – что бы я ни ел, по всему телу у меня шла сыпь. Мое тело дико чесалось, словно миллионы муравьев бегали по нему и время от времени зарывались в поры. Мне не помогало ни одно выписанное у врача лекарство, я даже не знал толком на что у меня аллергия. Одни говорили, что на табачный дым и загазованность, другие – на помидоры и яйца, третьи – на рыбу и мед, четвертые – на пыль и грязь, пятые – на солнце и луну, шестые – на себя, седьмые – на часы, восьмые – на домашних животных, которых у меня нет.

Я прекрасно понимал, что этот аллергический процесс начался достаточно давно и теперь просто произошел рецидив. Я уже лет десять испытывал аллергию на всех, кто пытался подавить меня: школа, университет, государство, работодатели,

понравившиеся мне девушки. Они постоянно указывали на мою ничтожность в мире, управляемом деньгами. Теперь же, когда весь этот копившийся во мне негатив обнаружил себя, я уже совершенно не знаю, как мне жить. Чтобы я ни съел, куда бы я ни пошел, с кем бы я ни увиделся – на все у меня аллергия.

Я просыпаюсь каждое утро, открываю глаза и думаю: ну вот, опять начинается. Иногда новый день для меня как праздник. Но таких дней в моей жизни бывает немного. Чаще, новый день является началом новых пыток, новых опытов со своим самолюбием, интеллектом, мечтами и надеждами.

Во сне мне явилась истина: границы цветов являются границами пространств. Одинаковые цвета делают предметы однородными. Так, красная женская блузка, покачивающийся в саду майский тюльпан и свежая ссадина на руке – суть одно и то же.

Я начинаю свое повествование в странной точке своего жизненного пути. Я всегда довольно близко к сердцу воспринимал фразу о том, что если художник ничего не добьется своим творчеством ему конец. И вообще основная проблема художника – выжить, потому что все, что он делает, он делает через боль. Я понял эту жестокую фразу с того самого момента, как осознал себя поэтом.

Иногда по вечерам, когда я пытаюсь проанализировать весь свой путь, мне становится ясно, что жизнь, ориентированная на искусство, это во всех смыслах стоическая, мученическая, жертвенная жизнь. Ибо искусство растворено в истине, а истина непостижима. И вот я в сотый раз хожу по кругу и пытаюсь оправдать свое существование. Я пытаюсь найти повод жить дальше. Я хочу верить в свое предназначение. И я вынужденно верю в него. Я никогда не любил священников, но иногда мне кажется, что я ничем от них не отличаюсь. Я служу искусству так же, как религии. Это мой способ общения с богом.

В моей жизни, насыщенной общением с разного рода людьми, я часто находил отношения, не представляющие никакой обоюдной ценности. Отношения по инерции. Затухающие отношения. Отношения от лени. Отношения от безысходности. Я никогда не мог понять, зачем я общаюсь с таким большим количеством людей, от которых нет никакой пользы – ни материальной, ни духовной, ни теоретической, ни практической. Будучи достаточно прагматичным человеком, я старался избавиться от этих связей, опутывавших меня и причиняющих массу неудобств. Я все хотел «расчистить» круг людей, с которыми мне приходится сталкиваться в моей ежедневной жизни, но у меня это никак не получалось. Я не мог послать подальше человека, который виноват лишь тем, что недостаточно мне интересен.

Сначала я списывал возникшую ситуацию на свою лень. Но потом все же я понял, что мне нужны эти люди. Мне нужны разные люди. Нужные и ненужные, интересные и неинтересные, красивые и страшные, умные и глупые. Именно в тот

момент я осознал, что получаю больше удовольствия от общения с глупыми людьми, особенно с глупенькими девушками. Глупость меня умиляет. Глупость пассивна, инертна, спокойна, бесконечна, непредсказуема. Ум же всегда агрессивен, беспокоен, суетлив, активен, претенциозен.

Я очень сильно устаю от общения с умными людьми. И в первую очередь потому, что в общении с ними мне самому надо доказывать им, что я умен. На это уходит много энергии и сил, которые таким образом расходуются впустую. А в общении с глупыми, я словно черпаю вдохновение. Они прелестны, как дети. Ибо глупость всегда оригинальна, ум же, как правило, банален. В основном, что бы умное я ни сказал, это будет общеизвестно, то есть банально, - и я должен очень постараться, чтобы сказать что-нибудь умное и в то же время оригинальное. В то же время глупость – как продукт человеческой деятельности – не систематизирована и активно не задействуется в процессе социального взаимодействия. Поэтому всякий раз, общаясь с глупцом, я обращаюсь к параллельному социальному измерению. Истинно глупого человека найти намного сложнее, чем истинно умного. Глупый человек - настоящее сокровище для умного.

Итак, начну все сначала. Меня зовут Эмиль Петросян. Посмотрев на меня, можно сказать, что я лишенный национальных, культурных и социальных корней молодой человек, постоянно меняющий место работы. На момент написания книги мне 28 лет. Я родился в один день с Робинзоном Крузо с разницей в 345 лет. По национальности армянин с предположительной немецкой, белорусской и еврейской кровью, рост 1,75 м, вес 87 кг, группа крови первая положительная, по специальности инженер-экономист, крепкого телосложения, красив, глаза каре-зеленые, почти шатен, размер стопы 40-41, знания языков: русский, английский, армянский, губы тонкие, на ощупь плотен и мясист, мнителен, артистичен, музыкален, незаурядное воображение, авангардист. Эта книга обо мне, реальном человеке, художнике, пытающемся выжить и не сойти с ума.

Однажды я сидел на своем любимом диванчике и смотрел телевизор. Одна передача сменялась другой, один фильм плавно переходил в следующий. Каналы соревновались в получении моего деградирующего внимания. Уже несколько лет я жил жизнью обывателя, пропадая на работе с утра до вечера, а потом приходил домой, пластом падая на диван и еле успевая на ходу врубить телик, а также поставить на газ что-нибудь из заполонивших мою квартирку полуфабрикатов. Пару лет назад я окончательно убедился в том, что публиковаться, а тем более жить на гонорары мне никогда не доведется, - поэтому мне придется привыкать к тому образу жизни, который ведет все «цивилизованное» человечество. Иными словами, мне придется быть частью всеобщей системы материального обмена ценностями. Часы показывали глубоко за полночь. И я все думал. О том, что время проходит с какой-то невероятной силой, а моя жизнь нисколько не изменяется. О том, что мои надежды и мечты не имеют ничего общего с существующим порядком вещей, - ни по своей природе, ни по своему содержанию. О том, что все

обретенное мной, появлялось в моей жизни лишь тогда, когда актуальность в необходимости этого окончательно пропадала.

И в какой-то момент я почувствовал, что не понимаю свои мысли. Они начинают отрываться от меня и жить своею собственной жизнью, пока я целиком погружен в капиталистический раствор. И это начало конца. Ибо с этими мыслями уходишь и ты сам.

Каждый раз просыпаясь, я не могу понять, лучше мне или хуже.

2. Искусство (music by Peteris Vasks “String Quartets”)

Поэзия – техника дыхания сознания.

Не могу сказать, что в творчестве я достиг некоторого фиксированного уровня, ниже которого я не опускаюсь. Каждое произведение я начинаю с нуля.

Мое написание произведения – это поиск его названия. Говорят, что когда я работаю над романом, у меня такое выражение лица, словно я расчлению труп.

Человек не выбирает искусство, это искусство его выбирает. И уж если оно выбрало, то уже не отвертеться.

Художник часто принимает историю Иисуса Христа за свою собственную, хотя и знает, что иногда спасение бывает отвратительно.

В искусстве не должно быть конкуренции, в искусстве должно быть только содействие.

Когда я открыл для себя литературу, я был явно шокирован ее поистине безграничными возможностями. Я наконец-то научился нанизывать мысли на время, подобно жемчугам на нитке. Затем я научился замечать синхронные события, которые разворачиваются во времени в двух направлениях: одновременно как в будущее, так и в прошлое. Итак, взявшись за литературное творчество, я начал с самого мерзкого, что накопилось у меня в душе. В начале моего литературного пути мои первые читатели были явно удивлены обилием в моих текстах мата. Меня это тоже сильно удивило.

Основной же темой всех моих тогдашних произведений была любовь, которая, по сути, лучшая игра на свете. Девушка, в которую я на тот момент был влюблен, и на глазах которой я в силу своей юношеской гиперсексуальности вел себя крайне нерасторопно и застенчиво, - глумилась надо мной, как могла. Именно в тот момент я активно начал писать стихи, в каждом из которых беру реванш над ней.

В то время я еще не понимал, чего ей во мне не хватает. Ответ оказался крайне прост – денег.

Именно в тот год я с Сэмом сходили к знакомому завкафедрой русского языка пединститута. И тот мне сказал, что моя поэзия очень слаба. Типа, ну как на одной строке могут находиться слова «жопа» и «люблю», «грудь» и «соловей»?

Тогда я принял решение ни с кем не обсуждать свои произведения. Будь они даже самыми тупыми вещами на свете, я бы не отказался от них, поскольку вложил в них свои силы и энергию. Все мои произведения – это не что иное, как история моей души.

Так уж получилось, что по жизни не было ни одного человека, который понимал бы меня даже на четверть. Поэтому я смирился с тем, что для меня не актуальны ни чьи советы. Более того, следование этим советам усложняет все настолько, что из сложившейся ситуации уже не выбраться, не ударив при этом в грязь лицом. Наверно поэтому я не подпускал к себе близко ни одну женщину, ибо они никогда не воспринимали меня всерьез, считая меня инфантильным бездельником, страдающим манией величия.

Как правило, первое свидание проходило под влиянием взаимной привлекательности наших внешностей. Второе целиком посвящалось духовно-физиологическому исследованию наших тел. А третье оказывалась прощальным, поскольку мои взгляды на жизнь у всех вызывали опаску в отношении ко мне. Я чувствовал ту осторожность, с которой они пытались миновать мои душевные черные дыры, и остановиться только на “деле”.

Я никогда не грузил философией понравившихся мне дам; с ними я всегда был веселый и беззаботный, и играл эту роль виртуозно. Но маска нужна только людям, скрывающим отсутствие собственных лиц. Человеку же с лицом маска мешает дышать. Я всегда искал места, где я бы мог оставаться самим собой. Я всегда искал людей, с которыми я бы мог оставаться самим собой. Я всегда искал время, в течение которого я бы мог вставить самого себя. Но жизнь – странная штука, за все мои 28 лет суммарно я был самим собой не больше десяти лет. А это значит, что 18 лет моей жизни вместо меня жил кто-то другой.

Вчера мне на ум пришел сценарий видео-арта. Гигантские человеческие лица, шевелящиеся и ползающие по экрану как тараканы. Я думаю о своем отце, об учителях в школе, о лицах на макетах и банкнотах, о снах, об убийцах с тусклыми глазами. Я считаю до десяти.

3. Друзья (music by Gong “Shapeshifter”)

Поначалу это были просто люди, которые помогали мне убить время. Сейчас же они помогают мне воскресить время. В них вся память обо мне.

Что касается творчества, то надо честно признаться, что мои друзья никогда меня не понимали. Как правило, когда я рассказывал о мыслях, тревожащих меня своей многозначностью, они лишь весело переглядывались, словно я один из тех цирковых придурков, которые несут всякую чушь на потеху публике. Может, я и не могу добиться кристальной ясности своих идей, но все же я мыслю, я творю, я имею убеждения, я готов за них бороться, - я не могу сидеть и дожидаться пока все встанет на свое место.

В студенческие годы у меня часто не бывало денег на диски. Я по полгода не мог себе позволить новый диск или книжку. Обычно при таком раскладе я ходил по улицам и заходил в разные крутые музыкальные и книжные магазины. И, как правило, в них всегда находились люди, которые записывали мне дефицитнейшие диски совершенно бесплатно (и к тому же еще и сообщали о времени поступления новых интересных вещей). Словно по мановению волшебной палочки всегда появлялись люди, которые одалживали мне книжки на дом, чтобы я спокойно их почитал (а то я обычно стараюсь читать книги прямо в магазине понемногу; обычно за 5-6 приходов мне удается прочесть 250-300 страничную книжку; правда, я не могу делать записи и что называется “поработать с книгой”, но это все равно лучше, чем ничего). Иными словами, если что-то покупал один, это было у всех.

На сегодняшний день у меня практически не осталось друзей. Каждый вечер я пытаюсь разобраться в причинах своего одиночества. В этом городе, в котором я поселился вдали от всех близких, люди сходятся ненадолго и расходятся уже навсегда. Заметить же растворение индивида в этой клокочущей мясорубке судеб совершенно невозможно. Все мои контакты в этом городе обрублены. Я оторван от семьи и друзей, завести же себе новых друзей представляется мне делом абсолютно затруднительным. Я еще не перерезал пуповину, связывающую меня с родиной, ибо сейчас у меня такое ощущение, будто я подвешен за нее над пропастью. По вечерам я еще пытаюсь звонить своим друзьям, тоже оказавшимся вдали от дома: один в где-то в российской глубинке тонет в своих суицидальных мыслях, другой – кое-как сводя концы с концами в Лос-Анджелесе, а третий – прозябая без друзей и работы, в Ереване. И во всех этих разных местах мы испытываем одно и то же: те же финансовые проблемы, ту же коммуникативную зиму и тоску по прежней безмятежной жизни, вне контекста которой нам трудно себя представить. И вместе с этой тоской, мы испытываем устойчивое желание не возвращаться к этой прошлой жизни никогда. Никогда не возвращайся туда, где было хорошо. Мы пытаемся построить свое будущее, живя в прошлом. Ведь в последнее время я просто ловлю себя на мысли, что никак не могу застать настоящее. Нигде. Наша самостоятельность дается нам слишком дорого.

4. Государство (music by Henry Cow “Western Culture”)

Я не люблю пролетариат. Но я не могу оставаться равнодушным к его эксплуатации, поскольку сам нахожусь в ситуации эксплуатируемого. Я

художник. Я вне классов, вне времени, вне ценностных и моральных оценок. Но, как известно, жить в обществе и быть свободным от общества невозможно. Поэтому я на своей собственной шкуре испытал и продолжаю испытывать все «прелести» капитализма.

Капитализм. Чем больше я имею, тем больше я значу.

Всякое доброе начинание в условиях капитализма расценивается как безумие. Потребительское отношение друг к другу развито настолько сильно, что, удаляя человека из мобильного телефона, мы удаляем его из своей жизни навсегда.

Принимать существующие мнения, мысли и модели поведения – является действенным механизмом освобождения человека от тяжелой необходимости самостоятельно мыслить.

Массовое потребление – психологический механизм защиты, следствие массовой истерии, вызванной государственным механизмом тотального контроля и эксплуатации.

Капитализм на самом деле является разновидностью монотеистической религии, в которой бог есть имущество, а рай можно получить только на земле. Он стремится свести отношения между людьми к общению через себя, подобно тому, как в христианской традиции бог является медиумом и мерой всех вещей. Капитализм в той или иной форме существовал всегда, его истоком является утрата единства мира - разделение, отделение и отчуждение.

И вообще, современному бизнесу присущи черты церкви: своя мораль, дресс-код, проповеди, анафемы, исповеди, причащение.

Товар, являясь единицей потребления, суть количественная категория. Поэтому товару близко все массовое. И вообще товар становится самим собой только если его потребление подхвачено массами. Все что изготавливается и потребляется в единичном экземпляре, товаром, по сути, не является.

Товар, являя собой количественную природу общественных отношений и будучи ориентированным на массы, является прекрасным и возможно наиболее эффективным средством манипулирования этими массами. Господство капитализма является господством товара.

Государство – оплот капитализма, храм товара.

Государство не стремится ни к чему иному, кроме самого себя. Оно подчиняет себе живых людей в той мере, в которой их уже всецело подчинила экономика. Государство есть не что иное, как экономика, развивающаяся ради самой себя.

Человек не виноват в том, что вокруг него сложилась атмосфера, толкающая его на социальный каннибализм. Но человек виноват в том, что бездействует, не противопоставляя Системе свою человеческую волю и нравственную ответственность. Пока же мы еще жрем друг друга через вещи. Мы пожираем вещи человека, чтобы вплотную подобраться к самому их владельцу и сожрать его. Понимая это, человек стремится окружить себя как можно большим количеством вещевого балласта, который, в первую очередь, призван спасти его от факта оказаться съеденным.

Больше всего на свете я пытался не стать похожим на своих родителей, которых я очень люблю и поэтому очень болезненно реагирую на размен хорошего настроения, ежедневно приносимого ими в жертву обществу. Каждое утро я вижу своего отца, готовящего мне завтрак перед лекциями и уже утратившего всякую надежду найти работу. Я вижу, как отсутствие работы трансформируется у него в отсутствие одного из жизнеобеспечивающих органов. Работа – это часть тела, хотя это и рудимент. Унизительные пособия, которые платит безработным правительство, давно уже свыкшееся с известным экономическим тезисом о невозможности искоренения безработицы в условиях капитализма. Это пособия по инвалидности. Это подачка жертвам социальных войн, имеющих гораздо большую убийную силу и построенных на гораздо более тонких ухищрениях, чем это свойственно войнам. Я хочу стать сильным и могущественным. Я хочу стать независимым. Принцип общественного бытия – толерантность по отношению к нации, расе, роду занятий, происхождению. Но только не толерантность к хамству и мракобесию. Я терплю только тех, кто способен терпеть меня.

Власть – некая надличностная сила, управляемая неизвестно откуда. Возможно, нас давно уже поработили инопланетяне, или гигантские земляные черви, или еще что-нибудь в этом роде, а правительство – голограммы с искусственным интеллектом.

В качестве технологии оправдания своего существования государство использует статистику. Статистика – этаким универсальный язык на все случаи жизни, на котором государство говорит со своим народом. Это как мертвый иностранный язык вроде латыни, которая, как известно, используется для назначения лекарственных препаратов. В случае государства, статистика – седативный препарат, антидепрессант, призванный успокоить общество, держать его в состоянии угнетения и подчинения.

Что я вижу вокруг себя? Государство. Государство, которое делает мои перспективы все прозрачнее, а надежды – бесцветнее. Государство, которое говорит, как мне жить, во что верить, чему служить. Государство, которое делает мою жизнь работой, а мою работу – жизнью. И я не вижу выхода из этого порочного круга.

Государство всегда рушит больше, нежели создает.

Государство – это не народ, это не все вместе. Государство – это каждый в отдельности против всех, кому нет до него дела.

Наша жизнь. Миллионы и миллиарды долларов потрачены на то, чтобы создать нечто более ужасное, чем просто капиталистическая реальность. Мы живем в аду и еще платим за это.

5. Любовь (music by Miles Davis “Big Fun”)

Любовь... горько...почти смертельно.

Я выхожу из дома. Лето. Я почти счастлив. За моей спиной несколько очень смешных любовных историй. Слишком смешных для нормальной психики. Но все они в прошлом, и мне хорошо только от одной мысли о том, что все эти истории закончились и теперь не имеют ко мне практически никакого отношения. Конечно же, мое становление проходило на фоне бессмертных творений классической лирики, в которых любовь выступает вершиной эмоциональной жизни человека. Однако, в моем случае все мои возвышенные чувства и мечты были жестоко растоптаны. Эта боль, которую мне нанесли всего две-три женщины, до сих пор еще отдается в моем сердце.

Любовь – это всегда гораздо больше, чем любовь.

Я до сих пор продолжаю глубоко ценить любовь, всячески ее избегая бессознательно. Уж, казалось бы, давно пора влюбиться по-настоящему. Но полученный негативный опыт, заставляет меня остерегаться зарождения глубоких чувств. Я иду по улице. Но тут со всех сторон со своими жопами и сиськами на меня нападают женщины. Женщины и вороны всегда нападают стайей. Я прохожу мимо этих изнывающих от жары и овуляций существ, словно пытаюсь не задеть высоковольтный кабель.

Древние говорили, что красавица - это меч, подрубающий жизнь.

Прав был Гейне, женщины имеют только одно средство делать нас счастливыми и тридцать тысяч средств - составлять наше несчастье.

Нет ничего более прагматичного существа, чем женщина. Вся роскошь жизни требуется и поддерживается женщинами. Капитализм – разновидность матриархата.

Ибо горче смерти женщина, потому что она - сеть, и сердце ее - силки, руки ее - оковы. Но, несмотря на все, я очень люблю женщин и не могу без них жить. Один день без общения с хорошенькой женщиной, и я на грани безумия.

Две интересные фразы о женщине: «Женщина - пламя природы, ткущее солнечную основу» (Элюар); «Женщина - это приглашение к счастью» (Бодлер).

Женщине доставляет больше удовольствия делать из нас дураков, чем любовников. Именно женщины, в силу какого-то особого склада своего ума, обычно видят в человеке талантливым только его недостатки, а в дураке - только его достоинства.

В каждой женщине есть огромный потенциал самопожертвования. Не случайно, арабы считали, что женщина - это верблюдица, созданная Аллахом для того, чтобы перенести на себе мужчину через пустыню жизни. Но это самопожертвование активизируется только с любовью. Я всегда очень ценил самопожертвование, поэтому влюбленная женщина для меня идеал гуманизма.

И все же, женщины удивительно восхитительны и прекрасны. В них есть нечто такое детское, такое беспомощное и умильное, какое, возможно, просто необходимо для возможности развития в их организме новой жизни. Когда я их вижу, мне хочется потрепать их за ушки, как малых детей. Удивительное сочетание предельной инфантильности с жесткой прагматичностью. Она выгибается, когда целует, и цепенеет, когда обманывается. Ну, как не умилиться женской фразой: «Когда я хорошая, я очень-очень хорошая, но когда я плохая, я еще лучше».

Мне от людей вообще ничего не нужно, кроме любви и денег.

Мысли и женщины вместе не приходят.

Нет более несчастного существа, чем фетишист, который тоскует по женской туфельке, а вынужден иметь дело со всей женщиной.

Апофеозом поэтического представления женщины можно считать высказывание Малевича о том, что всякая женщина есть черная дыра. Видимо, эту мысль и пытался запечатлеть художник, рисуя «Черный квадрат».

Аристотель считал, что природа всегда стремилась создать мужчину. Женщин же она создает только по бессилию или случайно. Хотя в биологии все с точностью наоборот, но если что-нибудь вас кусает, то оно, скорее всего, женского пола.

Истоки капитализма лежат в эволюции отношения к женщине: в наше время чтобы обладать женщиной, с ней нужно договориться. И вообще собственность насквозь пропитана сексуальностью.

Что такое женщина?.. Молния. На нее приятно смотреть, пока она тебя не ударит.

Любое наслаждение содержит в себе репрессию. Но наслаждение, будучи единственной вещью, к которой по-настоящему стоит стремиться, способна преодолевать любые запреты.

Сегодня молодость перестала быть неотъемлемым атрибутом молодежи, выродившись в свойство экономической системы капиталистического общества. Кто богат, тот и молод. И в этом, помимо изнурительных физических упражнений стареющих и дряблеющих буржуа в тренажерных залах, очень сильно помогают вещи, призванные сопровождать молодость: имитирующие скорость и силу своего обладателя гоночные автомобили ярких сочных и свежих цветов; ультрасовременный интерьер в ультрасовременных домах; арт-объекты и милые безделушки, маскирующие свойственную пожилому возрасту тяжеловесность во всем и т.д.

Говоря о любви, мы обречены говорить о природе вещей. Ибо только влюбившись начинаешь понимать, в какой степени ты одинок. И тогда ты обращаешься к людям, вещам, словам. Ты пытаешься вырваться из своего внезапно обретенного одиночества. Первая любовь – первое испытание одиночеством.

Моя любовь уносит словно в открытое море.

Люди должны влюбляться с закрытыми глазами. Закройте глаза. Только не подглядывайте.

Женские имена всегда очень похожи друг на друга. Иногда их просто невозможно различить. Это скорее напоминает воинские звания.

Женщина, которую любишь, лишает вас других женщин, а иногда и любви.

Мужчины создают тайну, женщины ее опровергают.

Культ любви – всегда страдание, вершина этого культа – самопожертвование, самоубийство.

Самое странное в человеческих взаимоотношениях на сегодняшний день, - это интернет-переписка. Будь то чат, мэйл или гостевая книга. Люди выдумывают себя и преподносят такими, какими хотели бы себя видеть. Все комплексы мгновенно улечиваются.

В сети она красивая и умная, стильная, молодая и здоровая, готовая в любой момент переломить ход своей и твоей жизни и пуститься во всевозможные авантюры. Но как только акцент смещается на организацию реальной встречи, она начинает сбиваться и путаться. Посланные по мэйлу ее фотки ты частенько встречал на эротических сайтах. Полный крах. Людям так необходимо внимание, что ради него они готовы отказаться от самих себя.

Моя маленькая квартирка очень напоминает отсеки космического корабля: крошечная кухня, ванная, туалет, прихожая, комната. И у меня есть один джемпер, который очень похож на обычный костюм космонавта на орбитальной станции. Я словно в открытом космосе. И каждое утро, просыпаясь и выходя из дома, я обнаруживаю, что вступаю в атмосферу новой неизученной планеты.

Она лежит на кровати, свернувшись калачиком. Я ложусь к ней, нежно обнимая сзади и кусая за ухо. И так, не выпуская ее ушка из рта, я засыпаю. В такие минуты я по-настоящему счастлив.

Горько-сладкий оргазм.

6. Деньги (music by John Zorn “The Big Gundown”)

Деньги – это товар, который созерцает себя в созданном им же самим мире.

Самое страшное в деньгах то, что неважно, сколько времени я потратил на то, чтобы их заработать – час, год или десять лет, - тратятся они одинаково.

Лучший способ избежать проблем с деньгами – это иметь их. Я никогда не был поклонником стяжательства. И деньги мне нужны только для того, что иметь возможность плодотворно трудиться на благо себя и всего человечества, не прибегая ни к каким компромиссам с людьми, которые мне отвратительны и, с точки зрения моего психического здоровья, просто противопоказаны. Если бы у меня была возможность не работать на капиталистов, я бы написал книгу «Жизнь Эмиля Петросяна как шедевр гуманистического искусства».

Лейбл как доказательство интимной связи с товаром.

Когда я в пору своей юности делал первые шаги в зарабатывании денег, мне казалось, что заработать не так уж и сложно. Сначала я сдавал с друзьями бутылки и на вырученные крохи мы покупали себе жвачки или пирожки. Было так приятно осознавать, что мы смогли купить что-то самостоятельно. Это было так волнующе, что казалось, не за горами тот день, когда мне будет доступно все в этом мире. И в самом деле, мне с детства была внушена мысль о том, что если человек усердно работает, то он добивается всего. Я искренне верил в эту байку. И хоть по своей натуре я всегда был лентяем и домоседом, но я твердо решил, что буду работать сколько понадобится, чтобы окружить себя комфортом и замечательными вещами.

Однако всего через пару лет на исходе моей учебы в школе мой близкий друг, в то время готовящийся поступать в художественную академию, предложил мне на пару нарисовать витрину для одной забегаловки. Я неплохо чертил и рисовал, так что задача мне показалась вполне по силам. Мы договорились с хозяином, что за

работу он нам заплатит по двадцать баксов. Был март, мы работали в неотапливаемом холле. Вывеску мы рисовали прямо на полу, ползая по этому ледяному куску металла взад и вперед. На второй день кропотливой работы, когда вывеска уже переливалась свежими красками, мы просто физически ощутили, что скоро нам заплатят. Хозяин, принимая работу, очень долго все критиковал, пытаясь свести гонорар практически к нулю. Мы тогда очень остро отреагировали на это, чувство справедливости застучало в наших сердцах и стало приливать краской к лицу. Мы тогда не знали, что это стиль работы любого работодателя. Ведь в основе всякой капиталистической оплаты труда лежит недоплата. Услышав же наши возмущенные, граничащие с криминалом, возгласы, он все-таки решил нам «заплатить», всучив нам по старой электрической гитаре. Моя гитара была без струн и на ней не хватало несколько колышков. В последствии я потратил на восстановление этой гитары порядка 30 баксов. Все же я довел ее до ума, и она была моей первой гитарой. Что же касается гитары друга, то она была вполне приличной 12-струнной ямахой. Он толкнул ее на вернисаже за 20 баксов и отдал часть денег мне, чтобы дележ был равным. Таким образом, мы впервые столкнулись с несправедливостью в оплате труда. Но было еще кое-что, что стало одним из сильнейших разочарований в моей жизни. И этим кое-чем было осознание того, что даже маленькие деньги не так-то просто заработать, а заработав их не так-то просто их получить. Я был очень расстроен. Ведь я считал, что деньги должны быть у всех, и всем должно хватать денег на все.

Много лет спустя, когда я уже устроился на приличную работу с оформлением по трудовому законодательству и записями в трудовой книжке, - я вдруг решил, что мой прошлый негативный опыт в зарабатывании денег теперь ничего не стоит, поскольку я теперь человек с высшим образованием, учусь в аспирантуре, много знаю и кое-чего уже умею. Однако, и тут я проработал месяц испытательного срока абсолютно бесплатно, а когда меня устраивали уже на работу в штат сотрудников, мне сказали, что я должен быть очень благодарен судьбе, что всего через месяц стажерства уже могу получать деньги. Это было так странно. И все же я подумал, что у меня пока нет опыта работы и мои карьерные удачи еще впереди.

Однако существует негласный капиталистический закон, с которым практически бесполезно бороться: «чем больше ты работаешь, тем больше тебя загружают и тем реже тебе повышают зарплату». Однако и не работать в таком случае не получается, поскольку если ты мало работаешь, то как бы ты ни маскировался, тебя обязательно сдаст кто-нибудь из равных с тобой по положению в компании. И в этом случае, тебя просто вышвырнут с работы без права на предоставление рекомендаций для другого места работы. Возникает такая ситуация, что тебе приходится принимать правила игры, по которым ты можешь либо проиграть по-крупному и сразу, либо же проигрывать все время понемногу: сходя с ума от тоски и безысходности.

Сегодня, наблюдая человеческие отношения, я замечаю, что деньги являются чуть ли не единственным средством, удерживающим людей вместе. Количество денег становится границей между социальными классами. Чем больше у тебя денег, тем выше в плане социального статуса ты можешь подняться. Так, разбогатевший продавец обуви, считая, что говорит об Искусстве, может поучать художника, как писать картину, чтобы он ее купил. Ничто так не уравнивает людей, как одинаковое количество денег.

С точки зрения демократии, деньги – лучшая гарантия осуществления любых проплаченных режимов. Черчилль говорил, что лучшим аргументом против демократии может являться пятиминутная беседа со средним избирателем.

Я прекрасно понимаю повальное увлечение молодежи хип-хопом, этой философией циничного и вульгарного гедонизма, представители которой, будучи выходцами из негритянских гетто и внезапно разбогатевав, пропагандируют ценности буржуазного мира во всей безудержности потребления. Все молодые люди, окружающие меня в настоящее время, оценивают меня только с точки зрения того, что я имею. В их представлении есть еще одна расхожая идея о том, что разбогатеть могут только достойные. Поэтому «хрен со всеми этими бедняками – хватало бы мозгов, поднялись бы так же, как мы». Интересно, что способности к зарабатыванию денег ставятся в заслугу именно мыслительной активности человека. Умный человек – это человек, который может заработать деньги. Кант в таких случаях говорил о практическом и критическом уме. Однако, людей с критическим умом общество воспринимает в качестве дурачков, бесполезных для общества душевнобольных. «Витающий в облаках» стало одним из самых презрительных оскорблений, которые я частенько слышал и в отношении себя.

Я часто витаю в облаках. До тех самых пор пока не обнаруживаю у себя абсолютно пустой холодильник и ни копейки в кармане. Меня ужасно бесит эта ситуация, потому что я считаю, что уровень цивилизации с ее производственными мощностями и конкурентное соперничество давно уже должны позволять человеку полноценно питаться, не задумываясь о том, откуда взять на эту еду деньги. Я верю в кризис перепроизводства. Однако, на следующий же день после скромнейшего ужина, мне приходится занимать денег, что для меня смерти подобно. Но у меня нет выхода: чтобы иметь деньги нужно уметь их экономить. Экономия. Еще одна отвратительнейшая черта современного общества.

Поэзию в современной жизни давно уже заменили деньги. И если поэтика всегда являлась основным мерилом художественного произведения, то в капиталистической реальности основное мерило - деньги. Деньги стали мерой всех вещей и всех людей. И печальнее всего то, что на фоне всеобщей продажности особенно деградировал образ женщины. Это напоминает вечно

неуверенный взгляд женщины на рекламных плакатах. Знак того, что при всей ее кажущейся недоступности, каждый сможет ее купить.

7. Религия (music by Amon Duul “Phallus Dei”)

Люди принимают только ту религию, в которой страдает даже бог.

Страшен не тот, кто не верует в бога, а тот, кто дискредитирует его. Некоторое время мне приходилось общаться с религиозной фанаткой, с которой я сидел на работе в одном кабинете. Я твердо убежден, что под старость в религию уходят только от комплекса вины. Это может быть вина перед близкими или перед самим собой – не важно. Главное – уход в религию суть фиаско самореализации. Я говорю о религии как о социальном институте, а не о религии самой по себе, к которой я отношу всякое высокое служение. Фанатке, о которой я здесь говорю, было на момент описываемых событий около 65 лет. Всю жизнь она занимала высокие посты в министерствах и теперь под старость была вынуждена подрабатывать к пенсии на строительстве, где мы, собственно говоря, и пересеклись. Ведя «благочестивый» образ жизни в последние несколько лет и попадая во всякий новый коллектив, она претендовала на место духовного наставника. Но не найдя во мне поклонника ее «мудрости», она сразу заняла по отношению ко мне агрессивную позицию. После первых нескольких попыток вывести ее на конструктивную беседу, я наконец окончательно понял, что истиной в последней инстанции является для нее библия. Догматизм ее утверждений и полное нежелание прислушиваться к моим аргументам, заставили меня всячески избегать богословских дискуссий с ней. Особенно после того, как я рассказал ей расселовский «Кошмар богослова». И тогда она, не сумев обратить меня в свою веру, стала убеждать меня в том, что я чужд любому обществу, поскольку я во всем сомневаюсь. И в первую очередь я чужд русскому обществу, поскольку я не православный. Снова шовинизм, который глубоко сидит во многих государственных деятелях бывших империй. Я не стал оправдываться тем, что армянская апостольская церковь возникла на шестьсот лет раньше русской православной, а Армения – первое государство в мире, принявшее христианство в качестве государственной религии еще в 301 г. Но если для армян церковь всегда являлась единственно сохранившимся с незапамятных времен институтом армянской культуры, призванным передавать ценности армянской культуры в условиях тысячелетнего отсутствия государственности, то для русской культуры церковь всегда была и остается чем-то вроде посольства Бога на земле. Поэтому всякое дело русский человек начинал с благословения церкви (читай: бога). Армянская же церковь – не столько церковь, сколько служба спасения типа 911, через которую армяне помогают друг другу. Именно к такому назначению церкви я привык. Именно такое назначение церкви можно для меня приемлемо.

Говорят, что в любой ошибке почти всегда есть что-то от Бога. Так что не спеши поскорей ее исправить. Напротив, постарайся постигнуть ее разумом, докопаться до самой сути. И тебе откроется ее сокровенный смысл.

Просветление (сатори) – мгновенное сиюминутное подключение к абсолютной, вечной истине. И после каждого сатори остается послевкусие, проявляющееся в наблюдении за рождением и угасанием мгновенных истин. Важно испытать новое сатори до того, как будет исчерпано послевкусие от прошлого сатори. Ибо сатори – наркотик, вызывающий к себе острое привыкание не только духа, но и тела. Тут необходимо сказать, что при сатори процесс познания ощущается не только ментально, но и чисто физиологически. Что же касается мгновенных истин, то предположения об их существовании инспирировано идеей о том, что существуют промежуточные истины со своими сверхбыстрыми периодами полураспада. Вечная же истина лежит где-то очень глубоко и по своей природе многослойна. Сатори – это трещина, лазейка в пластах залегания истины. Основной же характеристикой пластов истины является время.

Возможно, мы неправильно представляем себе бога. По моему глубокому убеждению, мы говорим с богом на разных языках, и он нас не понимает. Но, я уверен, что с богом на одном языке говорят дети. Скорее всего, Бог – ребенок.

Детская психология интересовала меня всегда – еще со второго курса университета, когда я впервые познакомился с трудами Жана Пиаже. Меня всегда интересовали дети. Их психологический настрой. Умение рисовать буквы как самодостаточные картины. Особая логика мышления. Лишенная социального аспекта интерпретация советов взрослых. Растворение своего Я в других. Точные замечания. И то гигантское умиление, которое они могут вызывать в самых черствых сердцах. Правда, через несколько лет они научатся пользоваться глазами, как и все взрослые, – то есть научиться интересоваться. И забудут первоначальную установку на то, чтобы интересоваться. Во всех людях, которые могут чем-то заинтересовать, живет ребенок. Люди, которые только интересуются, мертвы для общества, цивилизации, человечества.

Супермаркеты как храмы потребительской религии. Осень уже вовсю захлестнула город. Я иду по грустным ветреным аллеям парка, пиная ногами желто-красные листья. Смерть лета. Смерть сюрреализма. Смерть солнца. Смерть обнаженных тел. Смерть всего цветного. Все переходит в режим черно-белого. Смерть надежды, подобно тройному самоубийству, совершенному всеми тремя моими ипостасями – реальным, книжным и историческим мной. Смерть экзистенциализма. Смерть детских площадок и утренних знакомств. Смерть театра и кино. Смерть ночных свиданий по поигрывающим листвою шелковистыми деревьями. Смерть улыбок, аккумулирующих солнце. Смерть всех попыток трудоустройства. Смерть денег и власти. Смерть уличных музыкантов, клоунов и танцоров. Смерть детских рисунков на асфальте. Смерть университетских скамеек. Смерть книг и записей. Смерть поэзии и воображения. Смерть философии и магии.

На зиму души отправляются в спячку. И люди живут без душ. Рты, которым не хватает воздуха, света, ласки, обмана, слов.

В такие моменты начинаешь снова и снова задумываться о религии. И опять я говорю не о той религии, которая культивируется в религиозных храмах религиозными проповедниками. Нет, я говорю о религии как концепте. Религия как инструмент остранения действительности. Религия как вера во спасение.

Кстати, в большинстве европейских волшебных сказок герой, находясь в поисках N, обращается за помощью к разным людям, волшебникам и даже драконам. Герою необходимо узнать дорогу к предмету своих поисков. Однако в некоторых восточных сказках содержится масса удивительных отличий, значительным образом усложняющих и углубляющих сюжет. Так, герой, находясь в поисках чего-то, обращается к тем же самым людям, магам, драконам и т.д., однако с совершенно другой просьбой – герой спрашивает не “Где?”, а “Кто?”. То есть суть вопроса героя заключается в том, что ему чего-то не хватает, он что-то ищет, но не знает точно что. Что-то было либо утрачено, либо потеряно, либо еще не найдено. Иными словами, герою необходимо подсказать, что ему нужно, а дорогу к этому он найдет и сам, без всякой посторонней помощи. Эта особенность сюжета лишний раз указывает на то обстоятельство, что когда мы имеем дело с поиском, то в первую очередь мы сталкиваемся не столько с проблемой временного или пространственного местонахождения предмета поиска, сколько с проблемой его содержания и необходимости.

Близость жизни всегда напоминает близость смерти.

Удивительной особенностью религии является ее вневременность и внепространственность. Религию можно охарактеризовать только с точки зрения содержания и необходимости. Религия не ищет бога, - боги ищут религию.

Любое сильное произведение искусства - побег. Катарсис – побег. Экстаз – побег. Оргазм – побег.

Вчера мне снова приснилось, что Бог создает из ребра Адама стиральную машинку Indesit.

8. Kpacota (music by Alfred Schnittke “Concerto Grosso No.1-3”)

Бедный бедный бедный бедный бедный бедный бедный бедный бедный бедный
бедный бедный бедный бедный бедный бедный бедный бедный бедный бедный
бедный бедный бедный бедный бедный бедный бедный бедный Эмилька Петросян!

[illegible]

Глаза — как два задымленных окна, за которыми сгорает человек.
Цвет — это всегда линия.

Образы, за которыми нет ничего, отсутствие бытия, пустота, свидетельствующая о растворившемся “я”.

За образами – даже кровоточащими и разорванными – нет ничего, за исключением духа, который созерцает их со странной холодностью.

Имя – обратная сторона глаз.

Имя есть скрытое значение каждой вещи. Имя есть ее начало и конец.

Красота – экстремальный спорт.

Рот – это в первую очередь поцелуй.

Мир может уместиться в рот. Мир есть все то, что можно запить водой. Мир также есть все то, что можно преобразовать, поместив в стаканчик с водой, выпиваемый ночью, когда высыхает рот. Мир – это жидкость, питающая наши тела и мозг. Мир – это иглоукалывание эмоциями.

Разноцветные рты, мигающие как светофоры. Я проехал на красный рот. Помогите мне определиться с пониманием геометрических фигур, из которых можно выстроить все, включая бикини, наиболее всего срываемые ртами. Некоторая одежда определенно напоминает небоскреб, на крыше которого разбит небольшой садик с бассейном. Основная разница между ртом и одеждой в том, что последний не имеет карманов. Рот – это щенок, ищущий кого-нибудь, кто бы с ним поиграл и по окончании игры приласкал. Рот – это центр управления полетом. Рот – это чувственность, рассеянная скальпелем мысли. Рано или поздно любой поэтический дискурс сталкивается с проблемой перенесения результатов своих открытий в так называемую объективную реальность, которой, разумеется, никогда не было, нет и вероятно уже не будет. Это военная тайна за семью печатями, но я ее все же опубликую: объективная реальность просто миф, позволяющий удерживать общество в упряжке. Это своего рода дань традиции, идущей со времен, когда ежедневное наличие еды считалось достатком. Так вот с этой точки зрения рты бывают выходные и будничные. Выходной рот виден издали – он буквально рвется вперед, волоча за собой своего полуживого от страха хозяина. Это рот-победитель, рот-первооткрыватель, рот-бунтарь.

Волосы – это человеческий ответ солнечной дымке.

Имя – это бумажный тигр.

Шекспир в “Ромео и Джульетте” и представить не мог, что сказал невозможное: “роза пахнет розой хоть розой назови ее, хоть нет”. Жопы есть жопы есть жопы есть жопы, стол есть стол есть стол есть стол, кошка есть кошка есть кошка есть кошка, книга есть книга есть книга есть книга, город есть город есть город есть город, я

есть я есть я есть я есть я. Слово, множащее миры размером со слово, новое старое слово.

Странно, что несмотря на гипертрофированный интерес, который вызывает задница в общественном сознании, существует масса выражений, в которых задница выступает в качестве негативной субстанции, ведущей в тупик (например, «попасть в задницу»). Видимо, осознание удовольствия всегда ведет к тупику, ибо удовольствие, являясь конечной точкой любого повествования или размышления, проходя свой пик и идя на убыль, заставляет, в конечном итоге, возвращаться к ощущению своего нарастания. Вечное возвращение.

Культ задницы. Задницы бывают трех основных типов — монозадницы, стерозадницы и квадрозадницы. Квартет для четырех задниц.

Оргазм — мой единственный друг.

Человек, сведенный к типу задницы.

Давно, когда я еще работал клерком в банке, со мной приключилась интересная история, о которой я пока не рассказывал никому, наверно с тем, чтобы хорошенько над ней поразмыслить. Итак, как вы знаете по моим предыдущим книгам, график работы, да и сама работа в банке оказались нечеловеческими. И я, всерьез встав перед проблемой утраты всех своих человеческих качеств, решил отказаться от нее раз и навсегда. Я и сейчас не жалею об этом, хотя в настоящий момент влачу жалкое и ничтожное существование, затаскивая до дыр все свои шмотки и постреливая у родителей денюжку на транспорт, ну и может еще на булочку. Так вот возвращаясь к условиям той моей работы, я вспоминаю одно очень важное обстоятельство. Поскольку в фирме меня могли найти практически в любом отделе (достаточно было просто позвонить), в которые я поначалу бегал, чтобы преодолеть приступы невыносимой тоски, - то я решил прятаться от работы в туалете. Я уходил в туалет минут на 20. Это было непозволительно. Я не мог отсутствовать по личным делам не более чем на 10 минут. Но я выдумал миф о своем не вполне здоровом желудке, который для вящей убедительности моих шефов постоянно протяжно урчал в их присутствии. Таким образом, мне удалось урвать себе время на туалет. Я ходил в туалет и притворялся облегчающимся, поскольку мои коллеги по работе запросто могли на меня донести. В лучшем случае, меня признали бы лентяем, а в худшем — каким-нибудь извращенцем или сумасшедшим. Никому и в голову не приходила мысль, что отлынивать от работы можно просто потому, что терпеть ее не можешь. Я никогда не был лентяем. Я готов работать 24 часа в сутки и почти за бесплатно, только бы работа была мне интересна. И вот в один из тех нескольких живительных минут свободы в туалете, которыми я наслаждался как какой-нибудь наркоман после продолжительной ломки, я услышал шаги человека. Был конец года, и все скакали по кабинетам как сайгаки. Я постоянно избегал авралов. Поскольку свое дело я выполнял неплохо и вовремя. Да и все укладывались со своими делами. Аврал — был всего лишь

показательными выступлениями перед множившимися день ото дня ревизорами, аудиторами, акционерами и прочим буржуазным дерьмом. Я забежал в кабинку и в целях поддержания реалистичности своего пребывания в туалете немного напрягшись попытался что-нибудь из себя выдавить. В соседнюю кабинку тоже вошли. Да, туалет был азиатский, то есть никаких там унитазов, писсуаров, биде и прочих следов цивилизации. Я присел и расслабился. Я раздвигал руками ягодицы и тужился – эх-ха, эх-ха, - раскачивался как гребец и ждал, когда же мои муки наконец закончатся. И тут из соседней кабинки раздался колеблющийся протяжный звук, который вполне можно было бы описать уравнением колебания струны. Тут же я услышал под собой свою задницу, которая каким-то сдавленным всхлипом ответила заднице по соседству. Звук за звуком, и между нашими задницами возник какой-то невероятный диалог. Моя задница общалась непринужденно и размеренно. Да это была самая настоящая светская беседа. Светская беседа двух задниц. Главное, я все силился понять, о чем же это моя задница говорит. Но сколько я не прислушивался к своим внутренним ощущениям и внешним звукам – ничего так понять и не смог. Я, еле сдерживаясь от того, чтобы не рассмеяться, мог ясно различать интонационные оттенки в этой странной межзадовой речи. Через несколько минут собеседница моей задницы вышла из кабинки и, помыв руки, по-видимому, ушла. Моя задница загрустила – в кои-то веки ей удалось так спокойно и мило пообщаться. Я решил пообещать ей, что приду сюда завтра в тоже самое время, чтобы она –чем черт не шутит - продолжила свои беседы со своей новой подругой. И кто знает, может после нескольких таких сеансов я наконец научусь понимать язык задниц. Представляю, сколько нового я тогда бы узнал об окружающем меня мире. Это все равно, что понимать язык птиц и зверей, знать чего хотят женщины.

Мое имя – гигантский левистроссовский мифический змей с туловищем, наполненным водой, в которой плавают золотые рыбки моих снов.

Красота - смысл, структурированный как серия ускользаний.

На эти смазливые попки наматываются километры впечатлений.

Она и ее красота – две не связанные между собой вещи.

Красота города – это особая красота. При взгляде сверху на это скопище стадионов, церквей, монументов, высоток, жилых домов и островков зеленых насаждений возникает чувство, что им уготована катастрофа, или серия катастроф – климатических или социальных. Я люблю проводить время на всевозможных смотровых площадках. Что яснее всего становится видно с этих возвышений, так это угроза. Скопления людей всегда угрожающи. А угрожающие вещи, как правило, красивы.

9. Работа (music by GERU “GeRu”)

Я все чаще и чаще напоминаю себе садовскую Жюстину. И в этой связи, с каждым новым своим побегом от работодателя я попадаю во все более извращенный в плане эксплуатации наемного труда коллектив.

Волка ноги кормят. Жизнеописание Эмиля Петросяна, или как обрести гармонию с хаосом. Я прихожу с работы, сажусь в кресло и кладу ноги на табуретку. Некоторое время я сижу в такой позе неподвижно, словно дожидаясь пространства, которое не поспевает за моими ногами. Моя работа – надо дать ей должное – сочетает в себе сложнейшие элементы как физической, так и умственной работы. За день я успеваю по работе в четыре, а то и в пять мест. Это рекорд, которому я в первую очередь обязан своим маленьким проворным стопам, которые я каждый вечер тщательно вымачиваю в горячей воде, чтобы они немного взбодрились. Я люблю их. Когда я вытаскиваю их красненькими из воды, я чувствую, как они смеются. Я рад за них, рад, что могу доставить им удовольствие. Я рад каждому их движению. Но движение не тождественно пройденному расстоянию. Поэтому я не ассоциирую свои ножки с пройденным путем. Они вне пространства. Они со мной. Во времени. Я перемещаюсь только во времени. Для меня не существует расстояния в 1 км. Я ощущаю только то, что видел в течение всего этого времени. Ведь всякое движение способствует тому, что время, изменяя свою природу, начинает проявляться в объектах. И в какой-то момент вообще становится совокупностью объектов. Каждый предмет имеет таймер. И этими таймерами можно научиться пользоваться. Только время, заключенное в объектах, податливо к изменениям. Оно замедляется и убыстряется. Мы можем перемещаться во времени. И это все благодаря предметам. Неслучайно мы так одержимы предметами, ибо пытаемся удержать время, которое покидает нас.

Где-то раз в месяц у меня случается рецидив. Как правило, это бывает в понедельник, теплый солнечный день, в который я выматываюсь до полного изнеможения. Выходных, во время которых я восстанавливаюсь, мне хватает только на понедельник, и то только на первую половину дня. И в то же время, выходя из офиса, я вижу праздные лица за рулями крутых автомобилей. Пожилые уродливые тетki в эксклюзивных дизайнерских шмотках. Жирные жлобы с часами стоимостью в малогабаритную квартиру, в которой я возможно стал бы счастлив. Нет я не верю, что они заслужили это. Но я так же не верю, что мои прадеды, которые трудились на износ с раннего утра и до самого заката, и мои деды, вкалывавшие на двух-трех работах параллельно, мой отец, отдавший все свои силы и энергию работе, которая смогла бы прокормить его семью, - я не верю, что все они не были достойными жить по-человечески.

Я работаю почти шесть лет. Работаю тяжело и безрезультатно. За все эти годы я не смог купить себе ничего материально ценного, кроме фотоаппарата. Моя работа абсурдна, поскольку я не получаю на ней ни духовного, ни материального

удовлетворения. Я работаю, чтобы просто поддерживать жизнедеятельность своего организма. В чем же ценность прогресса, если я, словно лютый зверь, все дни напролет занят одним только выживанием?

Иметь или быть. Легко манипулировать такими противопоставлениями, сидя в комфортном теплом университетском кабинете. Чтобы быть, мне нужно иметь, а чтобы иметь, мне нужно быть. Покажите мне того, кто скажет, что ему не нужны материальные ценности, и я плюну ему в лицо. Я человек, венец эволюции, и должен жить подобающе. Мне не нужно много, но мне нужно ровно столько, чтобы чувствовать себя комфортно.

Моя работа начинается в девять, и чтобы успеть я должен проснуться часов в семь утра. Но я всегда ставлю будильник на половину седьмого. Проснувшись в половине седьмого, я переставляю будильник на без четверти семь и снова засыпаю. И только затем я просыпаюсь в семь. То есть до окончательного просыпания у меня есть еще два тайм-аута. И в эти самые два небольших промежутка времени я вижу самые интересные цветные и бесподобные сны. Ночью я могу не видеть снов вообще, а когда и вижу они какие-то выцветшие однообразные, предсказуемые. Но когда я вижу сны перед самой работой, балансируя на грани покоя и беспокойства, мне видится то, чему я обязан половиной своих стихов. Я вижу Свободу в чистом виде. Иногда промежутков, о которых я говорил, бывает не два, а три, четыре, наконец, пять. И с каждым разом я словно все острее и острее погружаюсь в теплое и мягкое тело сна.

На работе человек не столько продает свои профессиональные навыки и знания, сколько свое жизненное время. Этот факт прекрасно подтверждает то, с какой трепетностью работодатели относятся ко времени. Все начинается с контроля за опозданиями и отлучениями во время рабочего дня. Хронометрирование становится важнее получения самого результата. Ведь, какая на самом деле разница, когда я прихожу на сдельную работу, сколько я работаю и когда ухожу, - главное, чтобы я выполнял предусмотренный планом объем работы. В некоторых компаниях эта трепетность в отношении времени достигает уровня контроля пенитенциарных объектов.

После года напряженной борьбы за существование я, наконец, решился попросить прибавки к зарплате. Весь этот год на новом месте я пытался зарекомендовать себя как самого надежного и трудолюбивого специалиста. Я брался за любую работу, делал все, чтобы зацепиться на этом новом месте, поскольку мое иностранное гражданство не позволяло мне найти сколько-нибудь приличную другую работу. Но ведь я не виноват, что у меня зарубежный паспорт, что мои родители когда-то переехали в страну, из которой я потом фактически бежал. Я человек и, независимо от места своего рождения или проживания, я могу искать

более приемлемый для себя уголок на этой разобщенной планете, на которой меня угораздило родиться.

Так вот, я через своих дальних родственников нашел работу. Поначалу мне не говорили, чем в этой фирме я буду заниматься. Меня направили напрямиком в бункер, который как я потом узнал, назывался «складским комплексом». В офисных помещениях этого складского комплекса не было естественного освещения. Мне предоставили стол, на котором даже не было компьютера. На вопрос, чем же я, собственно, буду заниматься, мне сказали, чтобы я не беспокоился, что они для меня что-нибудь подберут. Надо сказать, что меня взяли на испытательный срок в три месяца. Это очень напоминает котят, которых бросают в ведро. Из пяти-шести котят, кто-нибудь выживает, а иногда не выживает никто. Да, это была проверка на вшивость – если я не найду сам для себя занятия, меня через три месяца выгонят с работы. Я это понимал и усиленно пытался быть полезным. Первое время меня направляли по чисто курьерским делам. Я отвозил и привозил документацию, подшивал все в папки, ксерил, отправлял по факсу. Иными словами, на какое бы новое место работы я ни попадал, везде действовал один и тот же механизм. Механизм подавления воли и устранения амбиций. Первым делом человека ломали, давая ему понять, что место, которое ему предложили, является божественным даром для проходимцев, вроде него. И это происходило независимо от профессионального уровня и регалий новобранца.

Если хочешь работать в компании, ты должен для себя уяснить, что тебе платят не за работу, а только в качестве одолжения. Сколько бы ты ни работал, работодателю будет казаться, что ты работаешь недостаточно, что не выкладываешься, не стараешься, не болеешь за дело душой. Вообще же, в наш век всеобщей дороговизны всего, жизненное время я считаю самым дорогим товаром. Мы продаем свое время, которое не вернуть, то есть тратим невосполнимый ресурс.

Итак, почувствовав, что я проглотил слюну, готовясь произнести заклинание, связанное с просьбой поднять мне зарплату, шеф сразу меня перебил. «Что-то ты в последнее время слишком пассивный, у тебя не горят глаза, и я не вижу твоего вклада в компанию». Конечно, ни о какой прибавке к зарплате и речи быть не могло. Мне оставалось только одно – оправдываться, снова оправдываться, чтобы продержаться на этой гребанной работе. Оправдываться, несмотря на то что я задвинул все свои амбиции и весь год работал на износе своих физических и психических сил. И я оправдывался. Мне было тошно, но я оправдывался. Мне было унижительно, но я оправдывался. Очень надеюсь, у бога есть план по моему спасению. Иначе долго я так не протяну.

На самом деле труд – это не что иное, как секс. Труд должен приносить удовлетворение, если же этого нет, то он становится в тягость. Рабочий коллектив – это трудовой брак, со свойственными ему изменами и разногласиями. Видимо,

нет ничего более схожего между двумя представителями рода человеческого, чем объемом кошелька.

Приостановленные видения.

10. Время (music by The Muffins “Chronometers”)

Из пяти чувств обоняние ближе всего к полной власти прошлого. Запах перемещает во времени. Время – это так туманно...

Время – не единообразная последовательность или протяженность, а многообразие сосуществующих видов вещей... Время это когда случается событие, что-то рождается или что-то умирает. Следовательно, видов времени столько же, сколько видов жизни.

Когда-то я писал стихотворения в жанре, который я назвал листингом. Эти произведения представляли собой перечисление вещей, которые у меня находились в рюкзаке или на кухне, или в кармане, или на рабочем столе. Сюда также можно причислить стихотворения в виде списка товарного чека или перечня наиболее значимых вещей, которые я увидел за день. Смысл листинга в том, что время неаддитивно и складывается лишь из состояния вещей, окружающих нас. Меня интересуют именно такие резервуары, аккумуляторы времени. Именно в таких перечнях можно застать настоящее время, которое уже не прошлое и еще не будущее.

Идея возвращения очень прочно сидит в человеке. Мы возвращаемся к одним и тем же предметам, словам, людям, местам, воспоминаниям, книгам, фильмам. Мы словно боимся далеко отходить от привычных нам вещей, словно боимся упустить их из виду. Мы возвращаемся только когда нам становится страшно.

Слова предшествуют запахам. Даже не знаю, что бы такое сказать, чтобы восстановить в памяти все прекрасные воспоминания, связанные с выпечкой пирожных и тортов. Когда запах детства разносится по всему возрасту. От мала до велика люди сидят в своих домах и вдыхают запахи. Цивилизация носов, обостренных на ароматы.

Найти паузу! - вот к чему свелась моя жизнь. Это все равно что, находясь в темнице, на мгновение дотянуться до маленького слухового окошка под потолком и увидеть свет, набрать в легкие глоток свежего воздуха, - и снова упасть на сырой и сумрачный пол. Моя жизнь напоминает быструю смену событий, не оставляющих в ней ни малейшего «качественного» значимого следа, но занимающих ее целиком «количественно». У меня практически истощаются эмоции, поскольку на чувства нужно время, которого у меня нет. И пока у меня нет времени, я просто потребитель, а все вместе – мы саранча.

Нет ничего страшнее времени. Времени, которое мы пытаемся сберечь, времени, которое мы тратим попросту, времени, которое оставляет нам постоянно пополняющийся багаж воспоминаний, опыта, безумия. Спасительное время. Убийственное время. Время, искажающее пространства и миры. Бесконечно делящееся и замыкающееся в себе время. Наша жизнь ускоряется, не спрашивая нас. Мы - просто жертвы обстоятельств. Наша жизнь неуловима. Зависшая где-то между прошлым и будущим, она перестает узнавать наше мнение. И все отведенное нам время мы тратим на то, чтобы найти себя. Мы не можем озвучить время. Мы не можем его увидеть. Мы не можем его понять. Оно развивается по своим, никем так и не понятым законам, рядом с которыми теории Эйнштейна не больше, чем третьесортная карикатура. Есть вещи относительные. Есть вещи безотносительные. Все взаимосвязано только там, где есть связь. Связь же способна утрачиваться. Да и связь ли это, на самом деле. Наши страхи, проецируемые вглубь нашего сознания и духа. Мы развиваемся в нескольких мирах одновременно. Миры плодятся и множатся с каждым нашим шагом, с каждым вздохом. И связи между этими мирами с годами все слабее и слабее. И только когда мы умираем во всех параллельных мирах и остаемся один на один с текущим миром, мы начинаем понимать, насколько мы одиноки.

Мы спешим и торопимся, но все упускаем. Прошлое и настоящее суть иллюзии, настоящее же вечно. В координатах пространства и времени мы всего лишь странные существа, страдающие и умирающие от попытки сохранить самих себя.

Вступая в настоящее, все ожидаемое уменьшается.

У каждого свое персональное время, которое течет не соотносимо со временем других людей. Мы не можем вычислять возраст человека годами, год для одного может быть насыщенной целой жизни другого.

Временные методы для удовлетворения временных потребностей.

Как-то я увидел человека, который прогуливался со своей маленькой собачкой по парку в отвратительнейшую погоду. Шел дождь, отовсюду дул мерзкий пронизывающий ветер, было холодно. Время было в районе семи вечера. Люди сломя голову бежали с остановки домой. А этот человек играл со своим псом, ни на что не обращая внимания. У него в руках был маленький мячик. Он бросал его в траву, и его песик с неестественной для его размеров энергией бежал за мячом. Мне понравилось, что это была не какая-то там декоративная собачка, а вполне приличный пес, только маленький. Я не разбираюсь в породах собак, поэтому не буду подробно останавливаться на том, как меня удивила энергичность этой собаки. Она хватала мячик своей маленькой пастью и игриво бежала к хозяину. Они никуда не торопились. Времени для них не существовало. Думаю, время появляется только с воспоминаниями. Память — вот что делает время непобедимым. Если же мы воспринимаем настоящее, находясь мыслями не в прошлом и не в будущем, а здесь и сейчас, - то мы на некоторое время все же

вырываемся из-под тотального контроля Времени. Именно «здесь и сейчас» обнажилось передо мной, когда я увидел эту странную пару: хозяин и собака были настолько поглощены друг другом, что преодолели время. Быть вместе – значит быть вне времени.

11. Детство (music by King Crimson “In the Court of the Crimson King”)

Ребенком я был склонен к мечтаниям, я не мог дождаться времени полуденного сна, когда я снова смогу предаться мечтам и ничто не будет меня отвлекать. Больше всего я мечтал иметь волшебную палочку. Но повзрослев, я понял, что волшебная палочка не столько сама выполняет желания, сколько требует от тебя самого выполнения своих желаний. Это было моим первым и самым значительным разочарованием.

В детстве мы возрождаем в себе всю память предков. Наши инстинкты еще не осознаны. Мы целиком во власти генетически переданной памяти мышц. Мы не думаем, мы вспоминаем. Мы не живем, мы играем. Время вожделенных, но строго запрещенных вещей, чтобы сохранить их привлекательность. Детство – эпоха Ренессанса. И сейчас, что бы я ни говорил, у меня нет слов, которые по-настоящему возродили бы меня.

Воспоминания – рай, откуда нас не могут изгнать.

Память... что мы знаем о памяти. Пруст в «Поисках утраченного времени» вторит Бергсону, открывшему «чистую память», и называет ее произвольной памятью. Беньямин вспоминает об этой памяти применительно к творчеству Бодлера. Я сам открыл ее совсем недавно. Мне казалось, что я ничего не помню о городе моего детства. Но иногда в памяти всплывают совершенно неожиданные детали прошлого, которых словно никогда не существовало. И вдруг они предстают в твоём сознании во всей своей детальности. Из общего курса психологии известно, что запоминается только значительное. Но тут я вдруг начинаю вспоминать выписанные со всей четкостью события, прошедшие мимо сознания в момент своего возникновения и никогда не появлявшиеся в памяти на протяжении всех этих лет. Причем эти воспоминания я застаю в таком виде, словно они все это время не только сохранялись в каких-то потаенных уголках моей памяти, но и активно развивались. Я чувствую в них колоссальную работу сознания, о которой даже не догадывался. Таким образом, это наводит на мысль о том, что из нашей памяти ничего не ускользает. Мы помним все до мельчайших подробностей, но осознаем лишь незначительную часть воспоминаний, дошедших до сознания. Остальные же воспоминания ждут своего часа. И внезапно достигнув сознания, способны вызвать глубокий эмоциональный шок, который я и испытал, вспомнив переливающегося на солнце жука, пойманного мной когда-то в детстве на пляже.

Реликтовое излучение воспоминаний часто оказывается наиболее сильным и стойким, если оставившее их происшествие никогда не достигало уровня сознания.

Первый урок, который преподает человечество каждому своему представителю - это ненависть. Меня не учили давать сдачи. Меня воспитали в духе усвоенной на советский лад христианской добродетели. Поначалу я еще считал причиной своих бед только себя. Я все никак не мог понять, в чем же я провинился, что люди так не любят меня. Большинство людей меня все же любили. Я нравился своим одноклассникам. Я нравился учителям математики, физики и химии. Меня любили учителя литературы. Я терпеть не мог физкультуру. Я вообще терпеть не мог все, что касается физической подготовки. Мои сверстники ходили на дзюдо и футбол, а я посещал музыкальную школу. Я никогда не лез в выполнение общественных нагрузок. Я был отличником. Несмотря на то, что я никогда не поддерживал особо тесных дружеских отношений со своими одноклассниками, они всегда приглашали меня на свои вечеринки. Мне интересны были люди, и они это чувствовали.

Школа. Класс. Она в проеме окна. Короткие слова. Короткие дни. Короткие волосы. Короткий смех.

Самое страшное в одиночестве – это то, что к нему невозможно привыкнуть.

Вещь становится образом, только если становится ясно, что скоро она исчезнет.

12. Реальность (music by Van der Graaf Generator “Pawn Hearts”)

Существование – вот еще одна загадка моего мирозерцания. Ведь я существую не тогда, когда мыслю, и не тогда, когда пытаюсь строить свою жизнь. Скорее всего, я существую только тогда, когда мой разум безмятежен. Вот в такие моменты я чувствую в себе жизнь. Жизнь – это ускользающий оргазм.

Думаю, для каждого предмета необходимо изобретать новый род научных дисциплин, подходов, схем, - не имеющих отношение ни к чему, существующему в общественном знании прежде.

Что может гарантировать действительность объекта?

Иногда я чувствую себя машиной, которая постоянно работает, но ничего не производит.

В городе должно быть много красивых девушек. Иначе, в нем нет смысла.

Реальный и духовный мир пересекаются, но не перемешиваются.

Наша жизнь – арифметическая сумма наших претензий.

Мир скучен, тосклив и безнадежен. Мир пресен и депрессивен, авторитарен и глух. Мир несамостоятелен и несправедлив. Мир страшен и убог. Все прекрасное в жизни в реальности не существует. Прекрасное – чисто психологический феномен. Прекрасное – выдумка художников, спасительная иллюзия, позволяющая хоть как-то осмыслить свое существование. Эти бесконечные научные открытия, свидетельствующие о наличии некоего порядка, создающего гармоничные системы, построенные на принципах жизнеспособности. На самом же деле, истина – такая же выдумка, как и прекрасное. А наука – такая же выдумка, как и искусство. Это просто два различных языка программирования.

Моя реальность – это реальность общества. У меня никогда в жизни не было машины, хотя возможностей ее приобретения было немало. Но мне всегда надо было находиться среди толпы, держать руку на пульсе социальной жизни. Я не могу долго оставаться наедине с самим собой. Мне очень тяжело терпеть себя в больших дозах. Я человек толпы. Иными словами, я люблю уединенность, но предпочитаю ощущать ее в толпе. О город, что плывет в кишках снов потоках!

Конечно, в уличной толпе есть что-то отвратительное, нечто возмущающее человеческую натуру. Статистическое существование. Разве все эти сотни тысяч людей всех социальных классов и статусов, протискивающиеся в этой праздничной толпе, разве все они – не люди, наделенные одними и теми же желаниями, одним и тем же стремлением стать счастливыми? И все же они мчатся друг мимо друга, словно нет у них общего, словно нет им друг до друга дела. И единственное их согласие – молчаливый уговор, что каждый будет держаться своей стороны тротуара, чтобы два несущихся друг навстречу другу потока не препятствовали друг другу. Жесткое равнодушие, бездушная изоляция каждого индивида, поглощенного своими частными интересами, проявляется тем отвратительнее и оскорбительнее, чем больше индивидов оказывается спрессовано в небольшом пространстве.

В выходные дни я стараюсь почаще бывать на виду. Я выезжаю в центр города и брожу по улицам, разглядывая все, что попадется мне по дороге на глаза. В это время обычно на улицах не протолкнуться – зеваки, туристы, уличные артисты, религиозные сектанты, неформалы, промоутеры. У большей части этих прохожих озабоченный вид, и даже в праздничные дни они думают лишь о том, как пробраться сквозь толпу. Готовность же, с которой получившие в толпе толчок еще и извиняются, выявляет в каждом огромный клоунский потенциал.

И когда я хожу в толпе, я просто чувствую, как взаимная наэлектризованность этих круглосуточно конкурирующих между собой людей наделяет меня какой-то необъяснимой внутренней энергией. Энергией жизни, стремлений преодолеть убогость своего существования.

Я – созерцающая личность, жаждущая зрелищ и видящая их там, где их не может увидеть никто другой. Однако, я не собираю отпечатки вещей в своей душе, я скорее сам оставляю отпечатки своей души на предметах. Я могу часами прогуливаться по улицам, заглядывать в каждую попадающуюся по дороге витрину или афишу, заходить во все магазины подряд, ни к чему не прицениваться и диким отсутствующим взглядом глазеть на все происходящее передо мной в толпе. И тут город, находящийся в постоянном движении, застывает. Он становится как стекло – хрупким и прозрачным. И именно в этот момент его, наконец, можно разбить.

Восприятие появляется только с воспоминанием.

Совсем недавно я был в Макдоналдсе. Я забежал на полчаса перекусить. Пока мне готовили биг-тейсти, я вдруг в двух шагах от себя увидел трех очень гламурных подружек. Одна из них, видимо, самая младшенькая, лет 18-19, была в потрясающем сарафанчике в мелкую светло-коричневую клеточку. Светлые роскошные волосы, ровный загар по всему телу, зеленые даже почти серые глаза, полная декольтированная грудь. Я не мог отвести от нее глаз, я был заворожен. Эти две свежие загорелые юные особи женского пола стучали у меня в висках и отдавали во рту мятой. Я хотел броситься на колени перед этим совершенством. И тут одна из них взглянула на меня. В этом взгляде не было ни малейшей заинтересованности, это был пустой взгляд. И от этого мне стало совсем плохо. И я подумал о том, что все прекрасное замкнуто на себе. Она потянулась за своим подносом, и между пуговичками сарафанчика я увидел ее эффектный черный ажурный лифчик.

Я вышел на улицу и сел за один из уличных столиков. Погода была ветреная, поэтому кроме меня на улице никто не сидел. Я разложил свою еду. И вдруг откуда ни возьмись со всех сторон ко мне подлетели воробьи. Они оккупировали стоявшие возле меня свободные стулья и, выстроившись в ряд, уставились на меня. Я засмеялся. Через несколько минут, недоев фри, я встал из-за стола. В одно мгновение все воробейчики накнулись на картошку. Я снова зашел в Макдоналдс, чтобы помыть руки и еще раз посмотреть на чудо. Она сидела там и непринужденно болтала со своими подружками. Когда я проходил мимо, в этот раз она посмотрела на меня, и я почувствовал в этом взгляде какую-то внезапную нежность. Но я вышел. И всю дорогу в офис я думал о том, что все взаимосвязано. И что, возможно, одобрительный взгляд я получил за то, что покормил воробьев. Как знать, как знать...

Женщины, тысячи женщин всех возрастов выходят в своих лучших нарядах покрасоваться перед массой. Их тела пропитаны солнечным теплом лета, а походка скована ожиданием головокружительной страсти. Эти совсем юные, зрелые и перезрелые тела проносятся мимо с безразличным взглядом, скрывающим сладкую ненавязчивую похоть. Это особенный взгляд – взгляд женщины, довольной собой и готовой к совокуплению. Видя их, тело пронзает

судорога, и это скорее не изумление видение, а – шок от того, как властное преступное желание внезапно захватывает одинокого человека.

У людей мегаполиса все чаще обнаруживается стремление компенсировать тот неоспоримый факт, что их жизнь проходит бесследно. И они бросаются решать эту проблему в своих четырех стенах. Ремонт, как реанимация жизни. Они стремятся оставить свой след как в самой обстановке, так и в ее предметах. Квартира становится своего рода шкатулкой или в лучшем случае – музеем. Люди же, которым в силу разных причин недоступен ремонт, - кажется, что их жизнь потерпела полное фиаско. Ибо ремонт – возможность пересмотра своей жизни, еще один шанс начать все сначала.

Взаимное отчуждение есть сущность и опора существующего общества, его способ распределения времени.

То что я понимаю меня не волнует, меня волнует то что я не понимаю.

Во всяком растянутом во времени труде есть что-то от Маркса, который определял стоимость товара общественно необходимым временем, затраченным на его изготовление. Время – деньги. В этой кощунственной фразе, можно разглядеть следы цивилизации прайм-таймов. Время решает все.

Звук сирены, напоминающий о том, что где-то совсем рядом существует ад.

Есть места, которые вымирают. Ты возвращаешься на это место, но оно мертво, и ничто его не оживит. Словно это место исчезло с лица земли, а то что ты видишь лишь какая-то фикция. Вероятно, место – понятие не географическое, а энергетическое. Мы находим не приятные места, а нужную энергию. Мы питаемся энергией повсюду. И люди, в которых эта энергия присутствует в изобилии, обладают особой привлекательностью. Именно этим можно объяснить, что с одним и тем же человеком я чувствую то комфортно, то дискомфортно в течение короткого промежутка времени. Просто у человека исчерпана энергия. То же самое можно сказать и о произведениях искусства. Любое произведение искусства – это своего рода водопой энергии. Произведение нравится до тех пор, пока в нем есть энергия. Как только энергия из него высосана, произведение перестает существовать. В шедеврах энергия неисчерпаема.

Самое лучшее, самое приятное в жизни происходит само по себе, без какого-либо нашего вмешательства.

Не верю, что вся эта суeta и есть жизнь.

13. Воображение (music by Pink Floyd “Ummagumma”)

Воображаемое и реальное в нашей жизни постоянно меняются местами.

Автологичность или парадигматические парадоксы, как свежевыкрашенная дверь с надписью на ней – “Просьба на двери ничего не писать”. Предмет, который сам себя обозначит, - например, картина “Ложка”, с ложкой, приклеенной к холсту.

Изображение изображения.

Я различаю сильно концентрированные, средне- и слабо сконцентрированные тексты. К первым я отношу генеративные тексты, то есть тексты, порождающие новые тексты. И чем большее количество информации сможет породить минимальное количество текста, тем сильнее автор.

Предметы как знаки самих знаков.

Магично только то, что не названо. Именно поэтому культуры без письменности, оригинальны и неподражаемы в своих наблюдениях. Представители подобных культур просто не способны разобрать свои эмоции, как это свойственно представителям письменных культур. Так что, назвав предмет, мы его расколдовываем.

Письмо – разрыв между визуальным и слуховым опытом человека.

Я вырос на сказках. Зная мою непомерную любовь к сказкам и всевозможным фантазированием на их темы, мои родители, а также наши близкие родственники всегда дарили мне сказки. У меня было очень много разных разноцветных книжек с урбанистическими и волшебными сказками. Когда я еще не умел читать (а читать я научился в пять лет – чего уж тут скромничать), я брал книжку в руки и читал по картинкам. Потом, всерьез решив, что книгу я и в самом деле прочитал, я пытался пересказать ее моим родителям, а иногда и моему брату, которому всегда было не до сказок, поскольку он всегда возился со всякими деревяшками и железками и мастерил из них всякие замороженные конструкции, которые он потом запускал на воду и они камнем опускались на дно. И он переделывал их заново раз сто в день. Я же всегда слушал сказки. И утром и в обед и вечером. Я всегда был готов послушать, что-нибудь необыкновенное, из-за чего и слыл ужасным трусишкой. Я боялся всего, что вообще можно бояться. Но больше всего я боялся инопланетян и динозавров. В те годы я еще не мог понять того, что некоторые образы не имеют никакой связи с реальной жизнью. Я помню, как я ждал и жадно слушал сказки. Их мне рассказывал поздно пришедший с работы и ужасно уставший отец. Он всегда засыпал раньше меня. Но я весь день напролет ждал его вечернего рассказа, поэтому он, видимо, не хотел обижать меня. Он начинал с одной сказки и, перескакивая через сюжеты, заканчивал свое повествование отрывком из выпуска новостей. Это был чистой воды авангардизм.

С тех пор я научился не удивляться странным поворотам сюжета, а сказка для меня стала чем-то вроде руководством по жизни. Я представлял себя принцем, отправившемся на поиски прекрасной принцессы за тридевять земель в тридевятое царство тридесятое государство. Я придумывал себе приключения и персонажей, подпирающих своими характерами эти приключения. Я всегда побеждал своих врагов и помогал слабым. В этом была основная идея, усвоенная мной из сказок. Добро всегда побеждает зло. Правда, по мере своего взросления добро для меня превратилось в справедливость, а зло – в эксплуатацию. В какой-то период я все никак не мог примерить на себе образ принца. Я очень сильно мучался, поскольку моя система взглядов разваливалась, а на ней я построил всю свою жизнь, и, поменяв ее, мне придется отказаться от жизни. И тут появился образ поэта. Образ, который наиболее ярко мне запал в память после увиденных мной серий фотографий Владимира Маяковского и Джима Моррисона. Я стал поэтом.

От групповой фотографии до группового секса – один шаг. Фразы вроде этой приходили и продолжают ко мне приходить всегда.

Прекрасный затонувший день. И он подошел к человеку, и человек молчал, используя для этого дерево и звезды. Звери, попеременно превращающиеся в предметы и слова. Дверь была спилена и размазана по лицу. Ее задница выпорхнула из моих рук как голубь. Долго еще я смотрел ей вслед, ожидая возвращения лета.

Рот – все то, что заглатывает, схватывает, обнаруживает, потребляет. Трижды славлю рот, трижды славлю все то, на что он способен. Трижды славлю его спасительную миссию. Человек – это прежде всего его рот. Рот есть и глаз, и нос, и все уши, рот есть совокупность всех органов чувств.

Большая обширная фотография людей с потекшей тушью. И я, летающий по ней с лупой, пытаюсь отыскать знакомое лицо. Но я не нахожу никого. Еще один сон, смысл которого появляется сразу же в момент пробуждения. Думаю, в момент пробуждения мы знаем ответы на все вопросы. Так вот, после подобных снов я начал понимать, что все, что существует вокруг меня – люди, вещи, слова, события, природа, - лишь декорации, на фоне которых разворачивается жизнь художника. Все подстроено для того, чтобы я творил. Словно что-то ведет меня. Поэтому у меня постоянное ощущение, что я работаю на Бога. Пока я ему нужен. Кто знает, что будет, если я ему чем-то не понравлюсь и он меня уволит. Все же остальные, претендующие на роли моих шефов – лишь фикция, муляжи, я не верю в них. И уверен, что они никогда не смогут мне доказать, что они реально существуют. Даже выгнав меня с работы или создавая невыносимые условия существования. Все равно я в них не верю. А то, во что я не верю, - НЕ СУЩЕСТВУЕТ.

Реальность, снабженная целым арсеналом галлюцинаций, галлюцинаторное существование, постоянно напоминающее мне об утраченном времени. День моего появления на свет, мое до-существование во внутриутробном рае. Есть вещи поважнее нас самих.

У меня есть потрясающая идея. Я понял, как надо рисовать портрет истины. Я нарисую ее в виде ягодиц. Сочных женских ягодиц, ожидающих надругательства. Ибо нет истины без надругательства над ней. Это единственная форма ее существования и нам лишь приходится подстраиваться под нее, перестраивая свои внутренние убеждения и тот моральный закон, который давно уже заснул в нас.

Впервые я увидел истину, когда заметил ее зад на одной из школьных вечеринок. Я понял, что имею дело с чем-то совершенно неопознанным и необъяснимым доселе, я имею дело с истиной. И если я рисую истину в виде женщины, обращенной к зрителю задом, то у нее на руках обязательно будет маленький мальчик - это буду я. А она будет смотреть на меня людоедскими глазами, и я крикну: "Она хочет меня съесть!.."

Произведения должны быть такими, чтобы их можно было бы употребить в дело. А лучшим делом на свете я считаю секс, ибо нет ничего более человеческого на свете, чем секс по взаимному согласию. Например, книжка в виде вагины или фаллоса. Музыка с эффектом сильнейших афродизиаков. Кино, балансирующее на грани жесткой порнографии и документального кино. Картина, из которой можно разложить удобную для секса кушетку. Архитектурные здания, в которых наравне с туалетами будут предусмотрены комнаты для секса, оборудованные всем необходимым.

Очевидно, что как бы не отличался воображаемый мир от реального, он должен иметь нечто - некоторую форму в отрыве от содержания - общее с действительным миром. Это общее – форма. Содержание же есть цвет. Пространство отличается от времени цветом. Цвет – единственно возможная граница между пространственной и временной протяженностью. Все объекты в реальности бесцветны. Цвет - это отношение. Цвет- это размножение. Цвет – это жажда жизни.

Мир – это множество.

Соотносимость гениталий как источник инженерной мысли.

Недавно смотрел передачу про эволюцию. Затрагивался вопрос: как в процессе эволюции в человеке объединилась дыхательная и пищеварительная система. Думаю, что еще через пару тысяч лет к этим двум добавится еще и половая. И тогда можно будет дышать гениталиями. И мы превратимся в ходячие духовые инструменты.

Ночь порождает только таких чудовищ, которые тянутся к свету.

И перед моим сознанием проплывает фантасмагория, в которой проводит время обычный житель города. Иллюзия, созданная множеством светящихся огней и рекламных витрин. Реальность, несущая в своих мозаичных картинках спасающихся от абсурда людей.

14. Сила (music by The Irresistible Force “Flying High”)

Быть счастливым и чувствовать себя счастливым – разные вещи. Чувствовать себя счастливым – это всегда осознание счастья, на которое не способны дети, а быть счастливым – это всегда физическое ощущение счастья, на которое уже не способны взрослые.

Имя замещает в контексте объект. Объекты всегда прячутся за именем, подобно скорпионам и змеям, копошащимся под спокойно лежащим на обочине камнем. Объекты я могу только называть. Я могу только говорить о них, но не высказывать их. Однако, признания в любви очень напоминают саму любовь и всегда вызывают комплексы, от которых невозможно освободиться.

Язык – это всегда любовь. Языки летают, как мухи.

Язык проговаривает все прочитанные книги. Язык как звукозаписывающее устройство книг. Мы ласкаем друг друга языками. Мы вчитываемся друг в друга. Мы проговариваем каждый изгиб, каждое ощущение, каждое чувство. Мы списываем друг у друга наши желания. Книга как контейнер слов и тело как контейнер желаний. Слово за словом язык распутывает тот клубок идей, который мы привыкли называть книгой. Мы вяжем из этой нити одежду, которая позволяет нам сохранить свое тепло в непогоду. Мы возвращаемся к книгам, используя все свои психосоматические возможности, поскольку книга – это всегда медиум между мечтой и действительностью. С помощью книги мы преодолеваем километры разрыва в тщательно выстраиваемых нами и всеми нашими благожелателями логических цепочках, призванных обслуживать нашу жизнь. Книга – это что-то вроде антиперспиранта, позволяющего приостановить нежелательное потоотделение. Мы пытаемся контролировать обмен веществ в нашем организме. Однако организм – это не только система функционирования человеческих органов, это еще и структура наших духовных запросов. Человек с заниженными духовными запросами – больной человек, требующий серьезного лечения. Однако вылечить его могут не врачи, а философы, писатели, поэты, – словом, люди, занимающиеся интеллектуальным дайвингом, фристайлом и другими экстремальными видами путешествий на край себя. Книга – это инструмент, инвентарь, страховочное снаряжение. Обычно книга возникает из книг. Книги бывают двойняшками, тройняшками, близнецами, сводными, выкидышами и т.п. Рождение книги напоминает картину “Человеческое состояние” Рене Магритта, где холст сливается с изображаемой натурой. Нереальное становится реальным,

невозможное - возможным, некрасивое - красивым, тупик - выбором, желание превращается в любовь, отчаяние оборачивается надеждой. Иногда мы стоим на месте часами, днями, месяцами. Мы не трогаемся с места, мы ждем. Мы боимся, что стоит нам отойти, как место, к которому мы так привыкли, окажется занято, и то что адресовалось тебе и наконец было отправлено, будет переадресовано кому-то другому. Мы запасаемся книгами, как телепортами, мы открываем книгу и пожираем слова, как мороженое, мы радуемся книгам, одновременно понимая их виртуальность, и мы пытаемся найти аналогии, мы пытаемся найти их точки пересечения с реальным миром, мы ищем эти точки, подобно пиратам, охотящимся за сокровищами по карте. Книга возникает на месте отсутствия книг. Книга становится тайной, загадкой, сфинксом, передающими лишь атмосферу величия духа, но не оставляющими нам каких-либо рецептов. Книга – это идеал, который как будто всегда присутствовал в наших сердцах и нагнетал наши размышления внутренним давлением. Книга – это вещи, в отсутствии человека. Вещи, играющие в свою игру, пишущие от себя и для себя, конструирующие в своей вербальной лаборатории постчеловека.

Можно ли на вопрос ребенка “почему” отвечать стереотипами?

Ибо я есть боль и лекарство.

Человек как хранилище слов. Человек как хранилище снов.

Человек и книга, как сообщающиеся сосуды слов.

Слова лучше и прочнее крыльев. Мы можем летать на словах как на самолете, мы можем парить на словах, как орлы, и мы можем охотиться сверху, замирая перед обнаружившим себя и скрывающимся в траве словом.

Словом можно подтереться как туалетной бумагой, словами можно накрасить губы, слова можно использовать в качестве презерватива или контрацептивов.

Слова можно видеть или не видеть. Но их нельзя не услышать.

Несколько лет назад какой-то американский журнал опубликовал небольшую заметку о том, как на глазах толпы умирал мальчик, оказавшись в зоне тока высокого напряжения. Подростка можно было спасти, но никто из очевидцев этой трагедии не ступил и шагу. Все были буквально заморожены картиной мучительно длящейся агонии. Реальное событие воспринималось по законам телевизионного зрелища. Свидетели, как выяснилось, наблюдали за эпизодом и оценивали его так, словно все это многократно и в разных версиях уже разворачивалось на домашнем экране.

Когда я готовился к сдаче TOEFL и мы с моим репетитором остановились на Reading, то она мне сказала: «запомни, времени на решение теста будет очень мало, так что весь текст ни в коем случае не читать. Просто просмотри, а когда

услышишь вопрос, вернись к нужному месту в тексте. Понимать весь текст вовсе не обязательно, главное понимать ту часть текста, в которой содержатся ключевые слова, то есть те слова, которые содержатся также и в вопросе». Это именно та удивительная техника, с помощью которой я осилил почти все философские бестселлеры. Я назвал ее фристайл. Мне нужно написать об этом книгу, подумал я, - и тут же не написал ее.

Никогда прежде в дискурсе не было так заметно, что Платон одного человека резко отличается от Платонов других людей и во многом близок Аристотелю третьих. Мы пользуемся фразой, высказыванием или даже каким-нибудь конкретным словом авторитета, словно это не часть текста, извлеченная из контекста, а самостоятельное произведение, никоим образом не связанное с местом и средой своего рождения.

Я подумал о написании “Виртуальной книги” после того, как стал по-другому читать. Я стал читать избирательно, фрагментарно, - задаваясь больше вопросом, не о чем эта книга, а из чего и как она сделана. Я стал читать перелистывая, пролистывая, прочитав одну или две страницы, а иногда просто услышав название. В данном случае читать книгу “от корки до корки” скорее всего напоминает жизнь в браке, когда до содержания человека так и не удалось дойти, но анатомию тела знаешь буквально наизусть. Мой же вариант прочтения скорее напоминает случайный секс, когда после всего “главного” начинаешь думать: черт, какая же у нее была жопа? И это сознание стимулирует к продуцированию воображения.

Фрагментарное мышление. Клиповое сознание. Я требую смысл. Лица, соответствующие пейзажам.

Сила – это движение. Жизнь проявляется в движении и изменении. Однако, вероятнее всего, зима не превращается в зиму, жизнь не превращается в смерть, вода - в лед и т.д. Ибо каждый момент жизни содержит сам себя и неподвижен. Мысли следуют друг за другом, не будучи связанными между собой. Каждая мысль сама по себе абсолютно неподвижна. Освещение меняет вещи, они видоизменяются каждую секунду, а внешние превращения суть результат превращений внутренних. С каждым взглядом на одну и ту же вещь, мы обнаруживаем ее совершенно другой, лишь отдаленно напоминающей то, что мы видели ранее.

Все события неразрывно связаны с пустотой. Ибо это из нее они появляются и в нее уходят. И сила является прекрасной иллюстрацией этого.

15. Секс (music by Erik Truffaz “The Best”)

Нагота без сладострастия – как это вызывающе!

Мучительная и скрываема от всех жажда секса была первым моим серьезным испытанием. И только потом появилась жажда благосостояния, познания, признания и т.д.

Секс – лекарство, секс – помощь, секс – сострадание.

Секс относится к разряду неуловимых понятий, таких как «вместе», «всегда», «еще» и т.д.

Слишком магическое и слишком неуловимое. Слишком прекрасное и слишком ужасное. Долгие месяцы олицетворением секса для меня была потрясающая длинноногая и тощая брюнетка с зелеными глазами, с которой мы вместе работали. Так уж получилось, что я всегда западал на длинноногих брюнеток под 180см со светлыми глазами. Именно при встрече с такими созданиями мой 175-сантиметровый рост доводил меня до отчаяния и бешенства. Так вот, девушка, о которой я здесь говорю, обладая игривым нравом и вооруженная полным арсеналом женских уловок, очень быстро стала всеобщей любимицей. Ее постоянно окружали мужчины, которые, истекая слюной, старались никогда не упускать ее из поля зрения, и очень скоро превратили ее кабинет в место паломничества. Она просто излучала секс. Она излучала какую-то невыносимую и мерзостную для цивилизованного человека свинскую похоть, чувство, которое начиналось в животе и, равномерно пробираясь по организму вверх и вниз, вызывало бешеное сердцебиение и какой-то жуткий - по ту сторону эрекции - паралич в паховой области. Психологически же общаться с ней долгое время было совершенно невыносимо, поскольку наряду с физическими муками, в душе открывалась страшная бездна, которая ныла и ныла, и не было ей утешения. Через несколько месяцев ее ушли с работы. Потому что она не давала никому, включая шефа, который просто трясся при виде ее открытого загорелого животика или откровенного декольте. Он долго боролся с ней по поводу формы одежды и в один прекрасный день просто уволил ее. Все вздохнули с облегчением. Она сводила с ума, заставляла терять терпение, рассудок, волю. Она была ходячим сексом. Недавно она появилась на работе снова, приехала похвастаться своими успехами. Первым делом она зашла ко мне (мы дружили, поэтому ограничивались петтингом и не заходили дальше этого, хотя, конечно, я был не против, но у нее был парень, который купил ей дорогую машину). Она была как всегда потрясающе. Дорогие рваные джинсы, делавшие ее ягодицы сладчайшим зрелищем, от которого кружилась голова и бешено колотилось сердце. Ее зеленые глаза сверкали блядским и одновременно ангельским блеском. Она резала глазами, как ножом. А кожа пахла томлением, звериной привлекательностью, сладкой истомой ухоженной 23-летней высокой девушки. Она говорила со мной и замечала, как я гляжу на ее полуобнаженные груди, которые выглядели из-

под супермодной вязаной кофточки. Они были настолько нежны и прелестны, как маленькие крольчата, притихшие в ожидании поглаживаний. Она улыбалась, а я был настолько зачарован этим видом, что терял сознание и задавал вопросы невпопад. Она понимала меня. Думаю, она сама получала сексуальное удовлетворение от своего вида. Пока она говорила со мной в моем кабинете, по офису сразу разнеслось, что ОНА ГДЕ-ТО ЗДЕСЬ. Весь мужской персонал повалил ко мне в комнату поприветствовать ее и лишний раз к ней прикоснуться. Они целовали ее и прикладывались к ней как к чудотворной иконе. Я видел в их глазах почти религиозный экстаз. Очень быстро она забыла обо мне и стала общаться со всеми остальными. Я заметил, что и с ними она общается практически так же, как и со мной: те же длительные взгляды в глаза, тот же веселый животный смех, от которого просто мороз по коже. В этот момент я понял то, чего не понимал все время ее работы у нас. Я ПРОСТО ОДИН ИЗ МНОГИХ. Конечно, ничем не хуже, но и ничем не лучше. Я просто еще один из этих разьебаев, стремящихся всеми силами затащить ее в постель. Они кружили вокруг нее как пчелы. И это нисколько ее не смущало. Она была в своей стихии. Она манипулировала мужчинами, она играла ими, она ими жонглировала. Я был просто убит этим обстоятельством и постарался побыстрее смыться. Она попросила меня не уходить, и я постоял еще немного, как идиот, наблюдая ее игру с другими, как она подключала новых и поддерживала в напряжении тех, кто уже попался на крючок. Я был шокирован этим зрелищем и вскоре ушел, сославшись на то, что мне надо сделать несколько звонков. Уйдя к себе, я еще долго не мог прийти в себя. Я знал, что она, несмотря на ее громадный интимный опыт и познания в сексе, - не испытывала практически никакого сексуального желания и относилась к сексу лишь как к средству достижения собственных целей. Весь ее образ, все ее тело, все ее эмоции были подчинены какой-то страшной и ужасающей игре подавления и управления мужчиной. И в этой игре ей не было равных. Иными словами, чрезмерно сексуальное, по своей сути, всегда фригидно. Физической аналогией этого может являться лишь спокойствие в центре бушующего урагана.

Мы все идем на поводу у своего члена. И это путь в никуда.

Женские трусики с надписью «Осторожно! Высокое напряжение!». Я словно втягиваюсь в воронку ее теплого тела. Нас накрыло. Я часто вспоминал ее. Это были не встречи, а лечебные процедуры. Секс лечил нас от депрессии, апатии, развенчанных грез и тотальной индифферентности. Будущее сидит в желаниях.

Ритмы современных городов. Ее техника минета позволяла делать искусственное дыхание через член. Она мастер по оральному триалу. Вагина – это веский аргумент.

Нет ничего сексуальнее сна.

Честно говоря, я всегда боялся вида гениталий. Ну, к своему перцу хочешь не хочешь я вынужден был привыкнуть. Мужских гениталий, кроме своих, я никогда не видел. Но что касается женских гениталий, то я боюсь их так же, как высоты или крупных насекомых. Поэтому даже когда я был с очень красивыми девушками, я не мог смотреть на то, что у них между ног. Ибо для меня заглянуть «туда» было все равно что заглянуть в бездну. Не знаю, возможно, это последствия кастрационного комплекса. Тем не менее, я помню, как одна моя знакомая убеждала, что у нее очень красивая «дырка». И что, посмотрев «туда», у меня сразу изменится отношение к вульве, а также к куннилингусу, которого она, судя по всему, страстно желала. Я посмотрел «туда» и увидел маленькую аккуратную розовую дырку, которая увлажнялась прямо у меня на глазах. Она наливалась кровью. Бутон страсти, как сказали бы поэты серебряного века. Всю жизнь я находился во власти женщин. Их тело, такое притягательное, такое загадочное. Своей какой-то сверхъестественной магической силой они преследовали меня, давили, сводили меня с ума. Но мне приходится искать с ними общий язык. Я всегда знал, что мне придется смириться с женщинами, их липкими кучерявыми губами между ягодиц, их вопросительными глазами и нежными ушками, мне придется год за годом хоронить свой рассудок в их стройных гладких ножках, их выпуклых плодоносных попках. Это ведь я, шлепая пузом и пуская слюни, буду нависать над ними в сладостном упоении и умолять их в очередной раз сломать мне жизнь.

- Видишь, какая она красивая, - сказала она, оттянув в стороны половые губы. Я же смотрел на эту дырку и не мог понять, что в ней визуально притягательного. Мне стало нехорошо, и я отошел к окну. Это ее сильно разозлило.

- Да что это с тобой! – теряя терпение, крикнула она. Я стоял к ней спиной и прерывисто дышал. Вид ее вульвы с оттопыренным клитором был настолько устрашающе, что он предстал передо мной в виде пасти огромного человекообразного ската. Она заметила мой испуганный вид, смягчилась и подошла ко мне. Когда она меня поцеловала, я вздрогнул.

О девы, чистые средь гибельных услад!

16. Философия (music by Brian Eno “Music for Films”)

Мышление – разновидность дыхания, и наоборот.

Мое понимание истины является моим пониманием себя.

Понимание ведет к остановке действия.

Что такое понимание? Как мы понимаем гнев оскорбленного человека, ревность обманутой женщины и т.д.?

Подумать об этом без слов.

Истина есть, ее не может не быть. Ибо не будь истины - не было бы и идеала, а там, где нет идеала – нет и человека.

Мы продаем все, что можем продать, взамен на возможность выжить. Наши жизни вращаются вокруг вещей.

Отчуждение трудящегося от продукта труда приобрело характер наиглобальнейший: люди отчуждаются от их же собственных личных переживаний. Там, где у Маркса говорилось об отчуждении продукта, можно говорить об отчуждении субъекта бытия от бытия и от субъектности. По Марксу, перепроизводство должно приводить к кризисам; согласно Ги Дебору, перепроизводство приводит к накоплению капитала, который трансформируется в образы Спектакля.

Все-таки современная литература стала заложником гипотезы Сепира-Уорфа, той самой, в основе которой лежало исследование об отсутствии у индейцев топи временных форм глагола, истолкованное как отсутствие для топи течения времени вообще.

Творчество есть продукт магический, и интересный ровно в такой степени, в какой творит чудеса. Всякое озарение есть чудо. И всякое чудо есть озарение.

Действительно, в этом обществе захват и удержание собственности интерпретируется как божественная избранность и спасение от грехов; а это же есть не что иное, как сублимация анального удержания.

Достаточно ли у нас времени, чтобы искупить ошибки ночи. Мы сделаны из снов. А сны сделаны из нас. Мы сделаны из слов. А слова сделаны из нас.

Самое интересное появляется в ответе, если вопрос поставлен некорректно.

Что происходит с моим кулаком, когда я открываю ладонь? Я – это не только то, что я делаю сейчас, это также то, что я сделал. Но как часто мы знаем то, что делаем? Ведь раз мы это делаем, значит знаем, как это делать. Однако, когда я шевелю рукой, разве я могу выразить словами, как я это делаю? Я хочу понять, как это у меня получается. И если в достижении эрекции и самом акте совокупления у меня задействован интеллект, воображение, фантазия, то в вопросе моей мгновенной реакции на происходящее или поиска источника ощущений в сознании я совершенно теряюсь. Я также теряюсь, когда вижу случайное расположение цветов во всем, что меня окружает.

Видимо, подлинное знание начинается с разрушения иллюзий – разочарования.

Жажда жизни – жажда эротического характера.

Роман это раскадровка хайку.

Я ничего не понимаю. Да и наверно это не очень важно – понимать.

Все выводы происходят априори. Из одного элементарного прикосновения не может следовать никакое другое. Никаким образом нельзя заключить из существования какого-либо одного положения вещей существование другого, полностью отличного от первого. Нет причинной связи, которая оправдывает подобный вывод. События будущего не могут выводиться из событий настоящего. Вера в причинную связь есть предрассудок.

Там где, например, говорят, что не может наступить одновременно двух событий, взаимно исключающих друг друга, скорее имеют в виду логическую несовместимость истинного и ложного по отношению к одному и тому же факту. Однако на самом деле, любое событие (факт) – нечто вроде оптической иллюзии. В любом известном человеку факте можно разглядеть его истинность или его ложность. Ложность факта придает ему истинности, и наоборот, истинность факта делает его ложным. Факт всегда фальсифицируем. Например, полет человека в космос является фактом. С одной стороны, этот факт истинен – мы видели кинохронику первых полетов и почти ежедневные телерепортажи о реализуемых сегодня космических проектах. С другой стороны, сидя дома перед своим телевизором и наблюдая эти репортажи, я никак не могу поверить в то, что это возможно. Для меня это всего лишь один из социальных мифов, создающих иллюзию раскрытия безграничных возможностей человека. Я подхожу к окну и смотрю в звездное небо, я смотрю на луну, я смотрю на проплывающие мимо черные гроззовые облака. Я вижу самолет. Но я не верю в это. Я не верю в то, что в самолете находятся люди, что он управляем, что он вообще существует. Существование самолета ложно уже потому, что я к нему не готов. Меня никогда не покидало ощущение, что аэродинамику и реактивные двигатели следует относить к разряду ковров-самолетов, башмаков-скороходов или метлы, на которой можно летать.

Поскольку нет причины, по которой что-то должно наступить скорее другого, то невозможно описать даже одно из этих двух событий, если только между ними нет какой-либо асимметрии. А если такая асимметрия есть, то мы можем рассматривать ее как причину наступления одного и ненаступления другого события. Два несимметричных друг другу лица можно увидеть одновременно. Но невозможно одновременно увидеть человека и его отражение. Симметрия – это всегда разрыв во времени.

Люди – это то, чего они не могут.

Кантовская проблема правой и левой руки, которые не могут совпасть при наложении, и проблема двух ртов возлюбленных, не совпадающих при наложении. Две асимметричные сущности. Две страсти, пересекающиеся в

многомерном пространстве взаимных уступок. Линия губ, разламывающихся, как спелый плод.

Когда-то мы с друзьями под вечер собирались на общем балкончике и делились впечатлениями дня. 90% всего, что было рассказано этими вечерами, было выдуманно. Мы придумывали людей, ситуации, фразы, атмосферу. Мы придумывали все. Конечно же, источником вдохновений служили реальные события, происходящие как с нами, так и в окружающем нас мире. Мы представляли мир сплошь населенным символами. Мы видели смысл во всем. Все было важно. Не было ничего второстепенного. Рассказываемые нами истории были очень насыщены удивлением и дадаистским мировосприятием, но, вероятно, самым главным мотивом в них была встреча с чудом,- вспышкой интуиции, моментом просветления, своего рода сатори. С чудом, как с неким сакральным ключом к целому ряду необъяснимых и непонимаемых нами явлений. И в тот момент, когда чудо возникало, отпадала всякая необходимость понимания или объяснения – восприятие истин начинало поступать мгновенно в мозг, обходя органы чувств. Мы словно были погружены в истину. Мы постигали истины, не пропуская их через сознание, они приходили в готовом, но никак не поддающемся вербализации виде.

Истины в словах нет. Истина в недосказанном.

Несомненно, наше время предпочитает образ – вещи, копию – оригиналу, иллюзорность – действительности, имущество – бытию. Ибо для него иллюзия священна, истина же профанна. Более того, в глазах наших современников святость возрастает в той мере, в какой уменьшается истина и растет иллюзия, так что высшая степень иллюзорности представляет для них высшую степень святости.

Мудрость невыразима никаким красноречием. Нельзя себе мыслить конца попыткам зафиксировать мудрость, удержать ее смысл, ибо то через что, в чем и из чего существуют все вещи, остается невыразимым для любого мышления.

Мы играем на поверхности вещей, лишь иногда обращая внимание на разверзшуюся в них бездну, манящую переливами красок и смыслов.

День начинается внезапно, прорываясь сквозь сон. Я просыпаюсь в темной пасмурной комнатке с мигающим будильником. Если верить часам, день уже наступил, однако, его присутствие незримо: за окном еще темно и холодно. И если бы не шум транспорта, можно было бы предположить, что ночь никогда не закончится.

Любая униформа оскорбляет человеческое достоинство, поскольку человек рожден, чтобы отличаться.

17. Свобода (music by Pat Metheny “Speaking of Now”)

Она протягивает ко мне руки. Руки как движение по направлению друг к другу. Руки как порыв души, прекрасный тихий повод вырваться из пасти одиночества.

Свободу я в первую очередь вижу в комфорте, позитивной атмосфере, гармонии. Все что меня раздражает и причиняет мне беспокойство – гнетет меня, связывает меня по рукам и ногам. И с точки зрения времени, я намного сильнее ценю несколько минут спокойствия, чем годы стрессов. В день мне нужна как минимум одна минута комфорта, чувства полной удовлетворенности, безмятежности. Если этой минуты я не получаю, я становлюсь опасным для самого себя, ибо теряю к себе всяческий интерес. А тот, к кому я потерял интерес, для меня не существует.

Цивилизация кредитов. Кредит как суперсовременное средство порабощения масс. Это порочный круг – сначала ты берешь кредит на пылесос, а потом и оглянуться не успеешь, как кредит охватывает тебя точно раковая болезнь. Теперь, когда больше половины вещей в доме куплены в долг, ты трясешься за свою работу, поскольку каждый новый простой в плане занятости ставит под вопрос дальнейшее существование твоего имущества. Крыша же над головой, которую тебе мило предоставило капиталистическое правительство, заставляет тебя рвать анус ничуть не меньше, чем если бы ты эту квартиру снимал. Зато через 20 лет, когда у тебя уже не стоит, эта квартира твоя. И теперь твоя квартира становится памятником твоей бессмысленной гонки, в которую вложены лучшие годы и растроченные впустую мечты.

Как-то, когда случился тот самый «рецидивный день», в который происходит развенчание мифа о работе и реальность предстает во всей своей омерзительной неприкрытости эксплуатации, - я шел по летнему парку и думал о том, что природа сыграла над человеком страшную шутку, отдалив его от себя и поставив его в условия панического страха перед себе подобными. Люди теперь не живут племенами, люди идут по пустыне жизни каждый сам по себе. А встретить в пустыне человека - пострашнее, чем любого крупного хищника.

В тот день я написал несколько тезисов, которые в последствии заставляли меня снова и снова к ним возвращаться.

1. Я человек. Я мыслящее и свободное существо. Я свободен в построении своей жизни, своем существовании и самовыражении. Я никогда не посягаю на свободу других и требую к себе такого же отношения.

2. Моя религия – свобода. Я никогда никем не помыкаю, поэтому если мне нужна помощь другого человека, я его прошу или убеждаю (я верю в силу убеждения). Он волен мне отказать – у каждого человека должен быть выбор.

3. Меня окружают преимущественно рабы, и мне в моей борьбе практически не на кого рассчитывать. Они терпеливы и смиренны, как волы. Их пассивная позиция позволяет рабовладельцам ставить новые рекорды по унижению человеческого достоинства.

4. Я против всевозможного подавления личности. Я против дегуманизации и коммерциализации общества. Я за раскрепощение и раскрытие каждой отдельной личности на благо всех.

5. Я ничего не могу противопоставить капитализму, который существовал всегда, всю историю развития человечества. Видимо, это единственный способ уживаться людям вместе. Однако, в капитализме должен присутствовать очень сильный социальный компонент.

6. Перманентная революция – это непрекращающаяся борьба за право оставаться таким, какой ты есть. Коллективная свобода – миф. Свобода всегда индивидуальна. Но чем несвободнее окружение, тем сложнее быть свободным индивидуально.

7. Всем приходится работать, но не каждый испытывает потребность в труде. Ибо труд – это самореализация. И несмотря на все хитросплетения моей судьбы и динамику изменений обстоятельств моего существования, для меня жизненно необходимо трудиться. Я – поэт.

8. Свободные люди должны помогать друг другу. Это касается поддержания духовного и физического здоровья друг друга. Ибо мы все – одно племя (номада), независимо от нашего возраста, расы, места и времени проживания.

9. Я не признаю дифференциации по национальному или расовому признаку. Все народы едины перед гнетом капитализма и эклектичны в восприятии культуры. Людей объединяет не национальность, а мировоззрение.

10. Единственным выходом из ситуации, в которую мы попадаем фактом своего рождения в мире капиталистических ценностей, является взаимное облегчение жизни всеми приемлемыми средствами, всеми духовными силами.

Ничто не свободно так, как мысль человека...

Послесловие

Эту книгу я начинал в 2001 году в Ереване, а закончил в Москве в этом, 2006. После 3-4 лет ожидания возможности продолжать работу над книгой, конечно же ее необходимо было сконструировать заново. Некоторые вполне законченные фрагменты мне приходилось перемонтировать, а иногда и вовсе вырезать. Эту книгу, пожалуй, поймет лишь тот, кто уже сам продумывал мысли, выраженные или не выраженные в ней.

Эту книгу, несомненно, можно было бы написать куда лучше, чем то, что в конечном итоге получилось. Но ведь ничто не получается так, как того хочется. Сейчас, когда с момента написания первой строчки прошло около пяти лет, я по-прежнему не могу разобраться в том, что получилось из всей этой неразберихи в голове, где мысли делятся как амебы, утрачивая между собой всяческие родственные и временные связи.

Цель этой книги будет достигнута, если хотя бы одному из тех, кто прочтет ее с пониманием (или непониманием), она доставит удовольствие. Ибо в большей степени эта книга хочет разобраться в возможностях и пределах поэтического мышления, которое суть наслаждение.

Я не хочу судить о том, в какой мере мои усилия совпадают с усилиями разных философов, инженеров, экономистов, музыкантов, телепродюсеров, железнодорожных проводников, иллюзионистов, дрессировщиков и т.п. Ведь написанное мною не претендует на новизну деталей, и я потому не указываю никаких источников, ведь, в принципе, мне совершенно безразлично, думал ли до меня кто-либо другой о том, о чем думал я.

Весь смысл Книги можно выразить приблизительно в следующих словах: при желании, изменить можно что угодно и как угодно.

Значение же этой работы можно выразить в двух положениях.

1. Я, конечно, сознаю, что использовал далеко не все существующие возможности, да просто потому, что мои силы слишком малы для решения той многосторонней задачи, которую в данный момент я даже не могу определить. Ибо осознать ситуацию в рамках самой ситуации, к сожалению, а может и к счастью, - невозможно.

2. Напротив, выстраданность изложенных здесь мыслей кажется мне неопровержимой и окончательной. Исходя из этого, я держусь того мнения, что поставленные проблемы в основном решены.